Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 86

Двадцатый век: расколотая память

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий. Двадцатый век: расколотая память. Выпуск 86 — М., 2017. — 64 с.

«Существование нации — это ... повседневный плебисцит, как существование индивидуума — вечное утверждение жизни».
Эрнест Ренан. «Что есть нация».

Заседание Никитского клуба «Двадцатый век: расколотая память». Год столетия революционных событий демонстрирует, как мало сделано для обретения национального согласия. Полярные оценки в связи с Февральской революции, непримиримые разногласия по поводу октябрьских событий,— противоборствующие стороны призывают к национальному примирению, понимая его одинаково: «мы» правы, а «вы» покайтесь. Отношение к Революции — не единственный пример раскола в общественном мнении. Восхваление и обличение Сталина нарастает с той же убеждённостью сторон, что путь к согласию начинается с капитуляции оппонента. Нет сомнения, что раскол нужно преодолевать. Как продвигаться к этой цели? В обсуждении приняли участие историки, публицисты, экономисты, представители бизнеса.

Заседание — круглый стол «Двадцатый век: расколотая память»

20 марта 2017 г.

Участники обсуждения:

Блехер Леонид Иосифович, социолог, публицист

Бондурянский Александр Зиновьевич, профессор Московской государственной консерватории

Бортко Владимир Владимирович, депутат Госдумы РФ, заместитель председателя Комитета Госдумы РФ по культуре; режиссёр, сценарист

Голубев Александр Владимирович, руководитель отдела по изучению отечественной культуры Институт российской истории РАН

Егерев Сергей Викторович, главный научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор

Захаров Александр Владимирович, вице-президент ИК «Еврофинансы»

Зимин Дмитрий Борисович, соучредитель премии «Просветитель»; почётный президент ПАО «ВымпелКом» (БиЛайн)

Качалов Роман Михайлович, заведующий лабораторией ЦЭМИ РАН, профессор

Клепач Андрей Николаевич, заместитель председателя — главный экономист ВЭБ, министр экономики в 2008–2014 гг.

Курочкин Дмитрий Николаевич, вице-президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации

Мазурик Виктор Петрович, доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ имени М.В. Ломоносова)

Механик Александр Григорьевич, обозреватель журнала «Эксперт»

Москвин-Тарханов Михаил Иванович, заместитель председателя Общественной палаты г. Москвы, советник-наставник мэра г. Москвы

Петров Юрий Александрович, директор Института российской истории РАН, профессор

Полтерович Виктор Меерович, заведующий лабораторией математической экономики ЦЭМИ РАН, профессор, академик РАН

Привалов Александр Николаевич, научный редактор журнала «Эксперт», вице-президент Никитского клуба

Разумовский Феликс Вельевич, автор и ведущий исторической программы «Кто мы?», т/к «Культура»

Устюжанина Елена Владимировна, заведующий кафедрой экономической теории РЭУ имени Г.В. Плеханова, профессор

Экштут Семён Аркадьевич, руководитель Центра истории искусств Института всемирной истории РАН, заместитель шеф-редактора журнала «Родина»; профессор

Председатель заседания — А.Н. Привалов

А. Н. Привалов, вице-президент Никитского клуба, научный редактор журнала «Эксперт»

Добрый вечер, господа! Открываем очередное заседание Никитского клуба. Сегодня оно посвящено теме «Двадцатый век: расколотая память». Я позволю себе сказать несколько слов для затравки, а потом приступим к слушанию наших докладчиков.

Тут недавно оказалось, что начальство собирается вводить обязательный ЕГЭ по истории. Я очень не люблю ЕГЭ, но здесь должен заметить, что я понимаю начальство. Потому что мне не раз приходилось слышать от университетских преподавателей, что когда приходят дети на первый курс, те, которые сдавали ЕГЭ по истории, хоть представляют себе смутно, что было раньше, что было позже, у них в голове есть какая-то хронологическая линейка. Те, кто не сдавали ЕГЭ по истории — это 96% выпускников школ, — они вполне могут не знать, кто раньше ходил на Москву, Наполеон или Гитлер, и кого из них победил Пётр I, они могут не ориентироваться в этом.

Так что, в общем, я за то, чтобы был ЕГЭ по истории, хотя не люблю ЕГЭ. Но среди откликов на эту новость мой слух поразило восклицание какого-то из педагогов. Он восклицал (письменно): «Что, значит, все будут обязаны сдавать историю?! Интересно, в каком изводе?»

Всё-таки это ужасно. История — дело сложное, здесь многие ею занимаются профессионально. Но даже те, кто не занимаются профессионально, понимают, что она — дело очень сложное, очень многообразное и т.д., и т.д. Но всё-таки говорить об отечественной истории в отечественной школе в разных изводах — это даже не шизофрения. Это что-то, на мой взгляд, гораздо хуже и опаснее. И вот эта невозможность, неумение страны пока посмотреть на свою историю сколько-нибудь единым взглядом, особенно сказывается в нынешнем году, которому выпало быть юбилейным.

Мы уже проехали через столетие Февральской революции. Страна наша, как все остальные страны, но впереди многих, впадает в безазбучность, поэтому в основном черпает свои представления о мире из телевизора. И вот в дни февральской годовщины из телевизора, из основных каналов, можно было услышать, что февраль — величайшее преступление в русской истории, что февраль — это торжество свободы и демократии, что февраль — это заговор против русской истории, который потом сорвали большевики, и много другого.

Примирить эти воззрения (не на февраль, конечно, а на русскую историю) нельзя, потому что сторонники этих и других точек зрения — все говорят о необходимости национального примирения, но все понимают это национальное примирение совершенно одинаковым образом: мы с вами примиримся, если вы встанете на колени, раскаетесь во всех своих заблуждениях и преступлениях, посыплете себе голову пеплом, станете, в сущности, нами — и вот тогда мы с вами, так и быть, может быть — может быть! — примиримся. Причём так говорят все стороны. Более миролюбивых

А.Н. Привалов

обращений к оппонентам—я не говорю о научной литературе, я говорю об общественном пространстве— мне видеть не доводилось. Может быть, мне не повезло. Но не думаю, что я уж до такой степени невезучий.

Вот сейчас исполняется (я думал, 125 лет — ошибся в арифметике) 135 лет, почти день в день сегодня, со дня произнесения Эрнестом Ренаном в Сорбонне его знаменитой лекции «Что есть нация?». Цитату из этой лекции мы поставили в приглашении к сегодняшнему заседанию. Более всего эта лекция знаменита блестящей формулировкой господина Ренана: нация — это повседневный плебисцит. Я позволю себе прочесть небольшой кусочек вокруг этой фразы:

«Разделять в прошлом общую славу и общее сожаление, осуществлять в будущем одну и ту же программу, вместе страдать, наслаждаться, надеяться, — вот что объединяет лучше общих таможен и границ...». Далее: «Общие страдания соединяют больше, чем общие радости. В деле национальных воспоминаний траур имеет большее значение, чем триумф: траур накладывает обязанности, траур вызывает общие усилия. Итак, нация — это великая солидарность, устанавливаемая чувством жертв, которые уже сделаны и которые она расположена сделать в будущем. Нация

предполагает прошедшее, но в настоящем она резюмируется вполне осязаемым фактом: это ясно выраженное желание продолжать общую жизнь. Существование нации — это (если можно так выразиться) повседневный плебисцит, как существование индивидуума — вечное утверждение жизни».

Вот почему представляется, что неумение достичь общего взгляда на базовые события сравнительно недавней истории ставит под сомнение результат нашего повседневного плебисцита и, стало быть, перспективу сохранения нации. Другое дело, что тут непонятно, где телега, где лошадь. То ли трудно договориться о едином взгляде на прошедшее, потому что нет никакого взгляда на будущее? То ли нет никакого взгляда на будущее, потому что не договорились о прошедшем? Не знаю. Но понятно, что эти вещи каким-то образом связаны.

Ещё разительнее, чем по революции, разногласия по Сталину. Ну, собственно, с точки зрения довольно многих, кого мне приходилось читать, Сталин ведь тоже часть Великой русской революции. Значит, Бонапарт, Сталин. Аналогия довольно богатая, хотя и разночтений довольно много. Термидор, по некоторым версиям нашей Великой революции, мы прошли краешком в начале 20-х годов вместе с нэпом, а всерьёз, понастоящему — в 90-х годах истекшего столетия. Так что, может быть, всё это — один вопрос, но по Сталину он наиболее острый.

Притом именно в вопросе о Сталине наиболее звонко в ход обсуждения нарастающим клином втискивается невежество. Потому что одно дело — были прежние сталинисты, которые знали, о чём говорили, которые, когда заступались за Сталина, говорили: да, кровь, да, страдания, но иначе было не вытащиться из разрухи, иначе нас бы смяли враждебные державы. Это была точка зрения, с которой можно соглашаться, можно спорить, но это была внятная точка зрения. То, что сегодня называется сталинизмом, — это какое-то безумие, это какой-то персонаж с усами из гламурного мультфильма, при котором все было совершенно замечательно. Какая кровь? Сажали только мерзавцев, только мерзавцев и предателей. Какие страдания? В колхозах все были счастливы. Всё было замечательно. Немножко дольше получали билеты, чтобы слетать на пляж в Турцию, а всё остальное было хорошо.

С этими спорить уже не о чем. С ними невозможно ни спорить, ни соглашаться. Они не могут быть частью обсуждения, но они по факту являются всё более и более заметной частью обсуждения не в последнюю очередь потому, что нет договорённости между теми, кто знает и понимает хоть немного больше. Мы начинаем ходить по кругу, и круг этот опускается — снижающаяся спираль. С этим надо что-то делать.

Меня переполняет зависть по поводу того, что мне рассказали про Китай. Может, соврали. Ну, тут есть люди, которые всё знают про Китай, они скажут, соврали мне или не соврали. Но якобы ЦК КПК какое-то количество лет назад издало указивку, в которой было чётко сказано, что Мао Цзэдун на 70% был полезен народу и партии, на 30% ошибался. Мне совершенно всё равно, какие будут даны проценты. Ну, не совершенно. Мне почти всё равно. Но я безумно завидую тому, что есть кто-то в стране настолько

авторитетный, что он может сказать — и после этого перестанут произноситься в таком количестве ненужные слова.

Когда я так многословно жалуюсь на отсутствие общего взгляда на историю, я же вовсе не имею в виду единомыслие, оно никогда никому не нужно. Единомыслия не надо и в этом вопросе. Нужна стержневая точка зрения. Когда мы говорим о национальной кухне, мы же не говорим, что все должны питаться щами и кашей. Но по поводу того, что является национальной кухней, есть какое-то общее согласие. Так и тут: нужно найти какую-то общую точку зрения. Может быть, просто ещё рано. Насколько я понимаю, во Франции по поводу их Великой революции что-то начало сдвигаться, что-то начало каким-то образом быстро складываться в несколько иную, чем прежде, картину в годы, предшествовавшие 200-летию события. Может быть, надо просто набраться терпения и ещё век подождать. Но я боюсь не дожить. Мне бы хотелось, чтобы какието шаги в эту сторону были сделаны раньше.

Я не знаю, о чём будут говорить сегодняшние докладчики, но мы просили их, в частности, кроме всего прочего, попытаться ответить на вопрос, можно ли нам достичь какого-то единого взгляда на собственную историю в исторически обозримые сроки, если нельзя, то почему, если можно, то что для этого нужно делать. Что нужно делать учёным, что нужно делать медийщикам, что нужно делать обществу, что нужно делать отдельным людям. Ведь никто не скажет, что мало информации. Вот к столетию революции огромное количество информации, новой для общества, выведено на всеобщее обозрение. Издана масса книг, некоторые из них мы сегодня предложим вашему вниманию. Открыты прекрасные интернет-ресурсы, в которых полно фактуры по 1917 году. Тот, кто хочет знать, будет знать всё что угодно. Но к единому взгляду это пока не приближает.

Кто из наших уважаемых докладчиков начнёт? Юрий Александрович Петров, директор Института российской истории РАН, сделает сообщение на тему: «Революция 1917 г.: ловушки изучения». Прошу Вас.

Ю. А. Петров, директор Института российской истории РАН

Добрый вечер, коллеги! Хотел бы сразу немного возразить нашему уважаемому председательствующему: и к 200-летию Французской революции во французском обществе не было никакого единства. Одни вспоминали «эгалите», «фратерните», «либерте» — прекрасные лозунги революции; другие говорили о якобинцах, о терроре, о гильотине. И при всём при том, что все основные символы государственности Франции — и гимн, и флаг — происходят оттуда, из Французской революции, тем не менее и спустя 200 с лишним лет отношение к революции там очень разное.

В общем-то, это понятно и вполне объяснимо: потому что революция, особенно такая масштабная, как французская, и не говоря уже о нашей, российской, — это, в общем-то, всегда громадная рана на теле нации. Рана, которая заживает долго и болит до сих пор.

Ю.А. Петров

В нашем обществе наблюдаются, Вы совершенно правы, самые разные оценки этих событий столетней давности: от традиционного признания революции локомотивом истории до обозначения революции как абсолютного зла и преступления. Вот в этой парадигме нам приходится и мыслить, и существовать.

Интересна позиция государственной власти. В конце декабря прошлого года вышло распоряжение Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, в котором Российскому историческому обществу поручено было подготовить план мероприятий и создать оргкомитет в связи со столетием революции. Тем самым власть как бы передала все проблемы осмысления, оценок, трактовок в руки профессионального сообщества, я бы сказал так, отойдя в сторону от этих вещей. Ну, в какой-то мере, я думаю, для нас здесь есть и некоторая выгода. У нас свобода рук — нет ни тезисов ЦК КПСС, ни призывов, как в своё время, в которых было уже все прописано, есть возможность свободно размышлять над этими проблемами.

Собственно, об этом я сегодня и хотел бы немножко порассуждать — какого рода ловушки ожидают и нашу историческую науку, и в целом общественное сознание на пути осмысления этого действительно эпохального события.

Действительно, общество взбудоражено. Поток информации — громадный, причём, неплохой, кстати говоря, в целом информации. Но трактовки, да, трактовки остаются совершенно противоположными. Есть тут какой-то выход из этой ситуации? Во всяком случае, мы его предлагаем. Мы — я говорю сейчас от сообщества историков, которые участвовали в разработке единого школьного учебника, предложив общую концепцию исторического процесса. И, кстати говоря, решение начальства о введении истории в качестве обязательного предмета в ЕГЭ тоже не только волею начальства появилось. Это было давнее пожелание и даже требование со стороны нашего профессионального сообщества. Иначе действительно из школы выходят полные неучи в области истории.

Итак, мы предложили ещё три года назад принять следующую общую, как мне кажется, концепцию, которая должна (во всяком случае, я надеюсь, что должна) примирить все стороны.

Мне кажется, что, говоря о событиях столетней давности, мы уже не должны говорить отдельно о Февральской революции, об Октябрьской революции, о Гражданской войне — как бы независимых друг от друга событиях. Мы предложили формулу «Великая российская революция». И, как мне кажется, в этой формуле мы сможем избежать главной напасти прошлых времён — дихотомии «февраль — октябрь». До сих пор сохраняется: либо февраль хороший, октябрь плохой, либо наоборот, и всё это очень политизировано. В этом кипении страстей историкам действительно приходится нелегко.

Так вот, представление о Великой российской революции как едином революционном процессе, состоявшем из нескольких последовательных исторических фаз (а именно: и февраль, и октябрь, и Гражданская война — как неотъемлемая часть революции), мне кажется, способно создать некоторые общие представления о смысле событий столетней давности. В слове «Великая» иногда видят, так сказать, положительную коннотацию. Но я должен подчеркнуть, что имеется в виду, конечно же, не оценка, не аналог с Великой Октябрьской революцией, а просто масштаб событий.

Мы считаем, что российская революция — событие, повлиявшее на мировую историю по крайней мере не меньше, чем Великая французская, и название «Великая» она вполне заслуживает. Что касается их сходства, то Вы [А. Привалову] тоже абсолютно правы, это уже давно замечено, что такие громадные катаклизмы, как две эти революции, имеют очень много общего во внутренней структуре. Во Франции также пришли сначала мягкие либералы-жирондисты, которые оказались вытеснены, сметены якобинцами, радикалами, которых в свою очередь смёл военный диктатор Наполеон. Примерно та же самая логика была и в нашей революции, и это их сближает помимо главного обстоятельства — влияния на мировое развитие. Оно действительно было громадным.

Пожалуй, главный вопрос, который сейчас волнует общество: почему это произошло? Это действительно остаётся загадкой, для которой предлагаются самые разные решения. И вот в этом—в ответе на этот вопрос—я вижу одну из основных ловушек, которые ожидают нашу науку и, шире говоря, наше общество

Сейчас мы сумели понять, что экономическое развитие России в годы Первой мировой войны, до февраля, не было критичным. Россия справлялась и с войной, и со снабжением своего населения. Разумеется, уровень жизни населения упал, но он упал, повторяю, не критично, несравнимо с годами Великой Отечественной войны. Таким образом, тезис Ленина о том, что революция есть взрыв исстрадавшихся масс, изнурённых и измождённых войной, — этот тезис, общепринятый ранее, сейчас уже не очень работает.

Есть абсолютно объективные данные, в соответствии с которыми Россия потеряла за период с 1914 года по февраль 1917 года примерно 18% внутреннего валового продукта. Это немало. Но для сравнения: Германия потеряла 23%, а Австро-Венгрия, то есть основные её военные противники,— 30% ВВП, и у них затруднения внутренние были не меньшие, если не большие, чем у России.

Чем же тогда объяснить, что в феврале 1917 года произошёл этот взрыв, который, в общем-то, мало кто ожидал? Ну, кроме революционеров. Но известно, что и Ленин не слишком рассчитывал на близкую революцию, он ещё в декабре 1916 года в Цюрихе перед молодыми европейскими социалистами говорил о том, что мы, старики, видимо, не доживём до победы революции. Либералы, которых сейчас принято обвинять в раскачивании лодки и во всякого рода происках и заговорах, вообще не хотели ни в коем случае революции, они её просто опасались как смертельной опасности для всей страны. Павел Милюков прямо говорил, что революция для России есть Ахеронт, то есть река мёртвых. Ну, о правых я не говорю, это была поддержка трона; разумеется, ни о какой революции они не мечтали.

Тем не менее революция произошла. И есть большой соблазн увидеть в этих событиях чью-то невидимую руку, чьи-то происки, чьи-то заговоры, которые, так сказать, и произвели этот революционный взрыв. Этот тезис сейчас так или иначе проходит во многих, очень многих комментариях. Это даже становится каким-то общим местом—что революция была результатом некоего заговора.

Я должен сказать, что для нас, большинства российских историков, это абсолютно неприемлемая позиция. И если исходить из исторической истины, то реальные заговоры, я скажу так, остановились на уровне самой ранней организационной подготовки. Какие-то разговоры и собеседования велись, но они были нацелены на то, чтобы совершить дворцовый переворот, чтобы заменить на троне непопулярного монарха, чтобы спасти тем самым и династию, и монархию, и страну от революции. Эти заговоры были против революции. Обвинять их в том, что они спровоцировали революцию,— мне кажется, это соблазн конспирологических версий, которым сейчас наше общество очень сильно подвержено.

Вообще говоря, есть такое общее поветрие, оно никем так прямо не артикулировано, но чувствуется, что называется, в воздухе. Поветрие заключается в том, что

дореволюционная Россия была такой замечательной, процветающей, бесконфликтной страной, в которой революция вообще не могла произойти. А если она всё-таки произошла, то это в результате чьих-то злых происков. Как говорили в XIX веке довольно часто у нас в стране, если в России что-то не ладится, значит англичанка гадит. Это был отсыл к королеве Виктории. Всегда очень удобно и просто видеть чью-то, особенно внешнюю, руку, которая портит нам жизнь.

Хочу ответственно заявить, что внешнего следа в событиях февраля 1917 года не видно, его нет просто-напросто. Но сейчас появляются версии о том, что Джордж Бьюкенен, посол Великобритании в Петрограде, как бы собирал, готовил эту революцию. Ничего подобного не происходило. Я работал даже с архивом Бьюкенена в Англии и могу ответственно заявить, что никаких следов его так называемой подрывной деятельности там нет. Конечно же, он вёл переговоры с разного рода политическими силами, потому что хотел был осведомлён, что происходит в России. Но никакой функции организационного центра некоего революционного заговора он не выполнял, это абсолютно для нас очевидно.

Второй вопрос — очень популярные «немецкие деньги». Он, правда, возникает больше в связи с событиями октября 17-го года, но тем не менее и в отношении февраля тоже звучит: не был ли, так сказать, Ленин германским проплаченным агентом? Нет, я думаю, что это тоже абсолютно тупиковая версия, она нас ни к чему реальному не приведёт.

Разумеется, деньги перечислялись. Вообще, есть уже даже достаточно достоверные подсчёты, что за годы Первой мировой войны Германский рейх на цели мирной пропаганды и разложения противника и привлечения его на свою сторону выложил более 300 миллионов марок, из них на долю России приходилось что-то около 50, от 40 до 50 миллионов. Как эти деньги шли и по какими каналам — это вопрос отдельный, не для сегодняшнего короткого сообщения. Но какие-то деньги были, да. Но каковы были результаты? Гораздо больше, чем на Россию, Германия потратила на то, чтобы на свою сторону привлечь Румынию и Италию. Абсолютно ничего не вышло: и Румыния, и Италия выступили на стороне Антанты.

Почему нужно считать, что вот этот германский денежный след в России сыграл какую-то такую фатальную роль, мне совершенно не понятно. Разумеется, Ленин поступал аморально с точки зрения нормальной морали в том, что пользовался поддержкой военного противника. Но надо иметь в виду, что это человек был заражён идеей мировой революции, для него никаких моральных ограничений в том, чтобы обеспечить победу этой революции, не было, и он совершенно спокойно шёл на соглашения с германскими властями, пользовался финансовой поддержкой. Но это вовсе не значит, что он был их платным агентом и выполнял, так сказать, волю Германского генерального штаба.

Ленин играл в гораздо более высокую игру, я бы сказал. И судя по тем действиям, которые он предпринимал для революционизирования самой Германии, в которой,

напомню, в ноябре 1918 года революция тоже произошла,—тут ещё вопрос остаётся открытым, кто был охотник, а кто — дичь.

Так вот, на повестке вопрос остаётся прежний: почему произошла эта революция? И я должен прямо сказать, что не всегда мы можем ответить на такого рода прямые вопросы также прямо и со стопроцентной гарантией. Революция, вполне очевидно, произошла стихийно, так сказать, запалом её послужили марши голодных женщин по Петрограду 23 февраля 1917 года. Я напомню, это было 8 марта по старому стилю, Международный женский день, который уже тогда в России отмечался. Женщины, которые не смогли достать хлеба в лавках, пошли маршем по улицам столицы, и настроение у них было крайне агрессивное. Известно, что они убивали просто попадавшихся им на пути городовых.

Можно ли их понять? Да, я думаю, безусловно, можно. И, вообще говоря, в любой революции, на мой взгляд, прежде всего виновато правительство. Если оно не смогло провести какие-то стратегические реформы по обеспечению социального мира в стране, то оно хотя бы обязано делать какие-то тактические ходы, чтобы предотвратить революционные взрывы. Я имею в виду тот простой факт, что в России не было введено нормирование продовольственного снабжения, не были введены продовольственные карточки. В Германии, кстати говоря, это сделали, и там ситуация с продовольствием, в отличие от России, была гораздо хуже. В России, слава Богу, и урожаи были неплохие, и последующее прекращение экспорта хлеба за границу во время войны создавало запас.

Хлеб в стране был, но вот система его распределения и снабжения была крайне неудачной. Отсутствие этих карточек создавало огромные очереди в продуктовые, хлебные лавки — так называемые «хвосты», как их называли в Петрограде. Вот, пожалуй, эти хвосты, где часами стояли те же женщины, — им подчас хлеба-то не доставалось, потому что те, кто стояли в очереди раньше, могли брать много хлеба, ограничения не было, и на всех его и не хватало. Хотя хлеб и в городе, и в стране, повторяю, был. Вот эти хвосты и послужили, как мне кажется, почвой для социального взрыва, они сыграли роль того, что мы сейчас называем «флэшмобом».

Из зала

Бикфордов шнур.

Ю. А. Петров

Бикфордов шнур. Да, это термин XIX века. А именно там, в этих хвостах, зарождались и агрессия, и недовольство, и протест тех самых женщин, которые потом вышли на улицы Петрограда и просто повлекли, так сказать, за собой сначала мужей-рабочих, а затем и солдат.

Чтобы не растекаться мыслью по древу, скажу прямо, мы не располагаем пока возможностями физиков. Вот в физике известна критическая масса урана, и превышение

этой массы приводит к цепной реакции, которую уже не остановить. Где и какова эта критическая масса в социальной, гуманитарной сфере, когда социальные волнения переходят в бунты, переходят в революции,—эту точку мы ещё до конца не можем нащупать. И поэтому сто лет говорим и пишем о революции. Написаны тысячи воспоминаний, тысячи книг, будто бы есть ощущение, что мы знаем всё. Мы можем восстановить хронологию событий с точностью до часа, а то и минут. Но есть вещи, которые мы пытаемся понять, повторяю, иногда с негодными средствами,—я имею в виду те же самые конспирологические мотивы.

Однозначно можно сказать, что столетие революции вызвало громадный интерес к этим событиям. Но если о Сталине у нас в обществе идёт постоянная дискуссия, и эта фигура действительно демонизирована, то революцию как-то и не вспоминали до этого юбилея. Сейчас идёт большой поток информации, но и большой раздрай, я бы сказал, мнений. Должен ли историк давать рекомендации, как от него избавиться? Мы, скорее, всё-таки работаем как видеорегистраторы, а не автомеханики. Тем не менее я скажу, что, конечно же, общий урок из событий столетней давности вытекает один: покаяние нужно с обеих сторон. И здесь не одна какая-то сторона должна встать на колени перед другой, а обе должны встать на колени и покаяться в своих грехах, которых очень много и у той, и у другой стороны. Вот, пожалуй, на этом бы я своё выступление завершил. Если будут вопросы, постараюсь ответить.

А. Н. Привалов

Спасибо большое. Как будем договариваться, вопросы к каждому докладчику или к обоим вместе? Вместе? Хорошо. В таком случае я предоставляю слово Семёну Аркадьевичу Экштуту, руководителю Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории Академии наук: «Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?!». Прошу Вас, Семён Аркадьевич.

С. А. Экштут

Спасибо, Александр Николаевич. Я попытаюсь логически продолжить то, что говорил сейчас Юрий Александрович.

Великая русская или Великая российская революция отменила чины, титулы, звания, ордена, сословные перегородки. Уже в сентябре 1918 года маятник пошёл в обратную сторону: появился первый орден, который очень долго оставался единственным. Этот знак отличия был исключительно демократичен: орден Красного Знамени могли получить и рядовой красноармеец, и член Реввоенсовета Республики. Каких-то разграничений не было, и это было очень важно. Прошёл всего-навсего год, и появилось Почётное революционное оружие — шашка, на которую был наложен знак ордена Красного Знамени, — отличие для полководцев и военачальников. Не все помнят об этой исключительной награде, потому что её получили всего-навсего 22 полководца, не ниже начальника дивизии. Ещё два человека были отмечены огнестрельным

С. А. Экштут

Почётным революционным оружием — маузером со знаком ордена на рукоятке. То есть уже появилось некое неравенство, резко выделяющее награждённого из общей массы красноармейцев: кавалера ордена Красного Знамени стали называть «краснознаменцем». Однако долгое время следующий шаг не делался: новые знаки отличия не учреждались.

Все последующие шаги сделал товарищ Сталин: именно при нём появились новые советские ордена и медали. В 1934 году было учреждено звание Героя Советского Союза, в 1938 году, в декабре,—звание Героя Социалистического Труда. В 1935 году впервые были разработаны и введены персональные воинские звания. Это было очень важно, я сейчас скажу почему. Появилось маршальское звание и появились звания для высшего комсостава, которые просуществовали недолго, от комбрига до командарма первого ранга — длинная такая лестница. Наконец, в 1940 году были введены генеральские звания.

Каждый раз, когда происходило это очередное отступление от принципов революционного равенства, появлялись недовольные. И об этом часто забывают. В 1935 году, когда стали присваивать первые персональные воинские звания, произошло явление,

которое на языке тех лет назвали «ромбопадом». То есть человек, герой Гражданской войны, носил частокол ромбов, ибо в годы войны он командовал армией, по традиции продолжал и в мирное время носить четыре ромба, хотя и не находился в рядах Красной Армии. Происходит аттестация, ему присваивали персональное воинское звание, и он выходил с несколькими шпалами, то есть оказывался старшим командиром. А люди, выдвинувшиеся в годы Гражданской войны, не привыкли сдерживать свои эмоции, они выражали недовольство, и выражали очень серьёзно. Я приведу только один пример.

Виталий Примаков, один из героев Гражданской войны, счастливый муж Лили Брик, по состоянию на 1935 год, носил четыре ромба, был очень недоволен своим служебным положением, потому что командовал корпусом, потом был помощником командующего войсками военного округа, а хотел получить округ. Был очень недоволен, не скрывал своего недовольства. Ему присвоили воинское звание комкор — это три ромба. То есть один ромб он должен был снять. Он демонстративно продолжал носить четыре ромба. Его взяли ещё в 36-м году. У нас обычно Большой террор связывают с 37-м годом, что ошибочно. Потому что в 36-м году активно брали наиболее говорливых, наиболее, ну как бы мы сейчас сказали, безбашенных. (Я сознательно опускаю и дело «Весна», и «кировский поток», акцентируя внимание слушателей на предвоенных репрессиях в Красной Армии.) Да простится мне это не вполне парламентское выражение.

Людей, которые в принципе, с точки зрения власти, могли бы стать ударной силой военного переворота, выборочно выдёргивали ещё в 36-м году. И, в общем, все понимали, что без согласия Сталина, скажем, героя Гражданской войны, комдива Шмидта, который командовал танковой бригадой в Киевском военном округе, арестовать не могли. Другой человек, по фамилии Зюк, или Зюка (по-разному пишут), тоже был забран ещё в 36-м году. И человек по фамилии Саблин, легендарный герой Гражданской войны, вошёл даже в известную книгу Алексея Николаевича Толстого «Хождение по мукам».

Когда в 1937 году, в июне, с 1 по 4 июня, собрали Высший Военный Совет, а из 85 членов этого Военного Совета к этому моменту уже примерно четверть была арестована, то сложилась удивительная ситуация: люди обсуждали Тухачевского, Якира, Уборевича, которые сидели на Лубянке, но формально ещё были живы. Все понимали, что ожидает этих людей, но формально они были живы. И выяснилось, что в Красной Армии нет единомыслия, нет единого взгляда на то, как строить эту Красную Армию в будущем. И товарищ Сталин нанёс своеобразный превентивный удар. Здесь я хочу сразу оговориться.

Очень часто мои коллеги жалуются на то, что архивы закрыты, жалуются на то, что вот есть какие-то документы, к которым их никто не допускает. Я хочу на это сказать, что за истекшие двадцать лет у нас в стране произошла настоящая архивная революция: огромное количество первоклассных архивных документов опубликовано, но, по большому счёту, не востребовано, не введено в научный оборот.

Так вот, протокол заседания Военного Совета июня 1937 года — напечатан толстенный том — доступен для исследователей. И когда начинаешь читать этот том с карандашом в руках, складывается поразительная картина — выявляется борьба самолюбий. На самом деле, и Тухачевского, и его подельников сгубил не потенциальный военный заговор, а сгубила вот эта борьба самолюбий. С предельной откровенностью Семён Михайлович Будённый сказал о Тухачевском: «Фактов у меня не было, но нутром чую: враг». Всё, конец цитаты. Иосиф Виссарионович Сталин почувствовал эти настроения. А результатом Великой русской революции было то, что все ожидали прихода Бонапарта.

Вот эта опасность прихода нового Бонапарта, «похоронщика революции», как говорил Дзержинский, она носилась в воздухе, все ожидали этого. Все нутром чуяли, все примеряли кого-то к этой роли. И претендентов на эту роль по состоянию на 37-й год было несколько. И по сути, вот когда читаешь протоколы этого заседания, видно, что Сталин нанёс превентивный удар, у него не было ни малейшего сомнения в том, что эти люди могут стать во главе военного заговора. Но это не значит, что они были заговорщиками, вовсе нет. Дальше каких-то разговоров, дальше недовольства Ворошиловым дело не шло. Но учитывая суровые реалии тех лет, когда одного подозрения было достаточно с точки зрения не закона, но стихийного правосознания (подчёркиваю, стихийного правосознания), эти люди были виноваты, поэтому их осуждение не встретило какого-то сильного и осмысленного противодействия. На заседании Высшего Военного Совета не раздалось ни одного голоса в защиту этих людей. В то же самое время, когда в 1946 году Сталин захотел расправиться с маршалом Жуковым, нашлись люди, которые стали защищать Маршала Победы, — вот это важно подчеркнуть.

В 1937-м Сталину было абсолютно ясно, что страна стоит на пороге большой войны. Документы, которые сейчас опубликованы, говорят об этом. И он считал нужным страну к этой войне подготовить, используя очень простые модели управления. Сложные не проходили, они давали сбой, оказывались неэффективными. Требовали значительных ресурсов, которых не было в наличии. Поэтому Хозяин использовал простые модели.

Простая модель состояла в том, что всех потенциальных опасных людей он убирал. Так он поступал в 1937-м, так продолжал действовать и в мае 1941-го. И это все завершилось тем, что какие-то логически обоснованные, с его точки зрения, меры в 1941 году, накануне войны, привели не только к преступлениям, но и к ошибкам. Об этом у нас не любят говорить, но в мае, в июне 41-го года и в первые дни войны арестовывали героев Советского Союза, героев войны в Испании, на Халхин-Голе и финской войны: Рычагова, Смушкевича, Штерна, Проскурова.

И вот этих генералов, у которых за плечами было несколько военных кампаний и уникальный боевой опыт, арестовывали и потом расстреляли в конце октября 41-го года. Некоторых генералов, которые чудом уцелели в октябре 41-го,

расстреляли — какая ирония истории — 23 февраля 1942 года. Это несомненное преступление, тут не может быть никаких двух мнений. Очевидно ещё и другое, что сейчас опубликованы расстрельные списки, на 357 списках стоит виза Сталина. Это тоже документы, они выявлены, они опубликованы, тут тоже не может быть двух мнений — преступление налицо.

Но есть и определённая логика в этих сталинских действиях, если можно говорить о логике применительно к деяниям, которые спустя годы оцениваются как преступные. Сталин понимал, что нужна ротация командных кадров, и он был убеждён в том, что те люди, которые сейчас ходят в младших офицерских чинах, могут с успехом возглавить и полки, и дивизии, и армии, нужно только дать этой молодёжи дорогу. Он прекрасно понимал, что старые герои Гражданской войны не годятся для войны современной. Таков был его символ веры. Опубликованы протоколы заседания Военного Совета, который состоялся в 40-м году, после войны с Финляндией, и там видно, что многие военачальники, причём из высшего эшелона, до сих пор не перестроились.

Сталин это понимал, в частности он видел, что военачальники решительно не хотели осваивать радиостанцию — у них была такая радиобоязнь, они считали, что вот враг запеленгует работу радиостанции, нанесёт огневой удар, и они погибнут. И только в 42-м году приказом Ставки всех военачальников, начиная где-то от уровня командира корпуса и командующего армией, обязали передвигаться вместе с радиостанцией, чтобы они всегда были на связи. До этого, подчёркиваю, даже такие весьма достойные люди, как грядущий начальник Генерального штаба маршал Соколовский (перед войной он был всего лишь генералом), говорили, что радиостанция — лишь помеха, потому что открытым текстом передавать нельзя, нужно шифровать, значит нужны шифровальные таблицы. Вывод: вернее послать нарочного с приказом. Ну, к чему это приводило — вы прекрасно можете понимать, что этого курьера могут убить, и управление войсками теряется. Так было в начале 1941 года. Я дальше не буду развивать эту тему и перейду к следующему тезису.

По состоянию на 1940 год именно по воле Хозяина, как его называло ближайшее окружение, в стране сложилось уже сословное общество: были свои звания, но не было своих титулов, но уже стали складываться сословия. И тут очень показателен фильм «Светлый путь», который первоначально назывался «Золушка». Фильм не понравился Сталину. Почему? Вспомните фабулу фильма. Простая ткачиха Таня Морозова становится ударницей, за свой стахановский труд получает орден Ленина, обретает отдельную квартиру. И камера фиксирует внимание зрителей на том, что в этой квартире стоит современный радиоприемник—мечта многих в те годы. Наконец, она становится депутатом Верховного Совета, заканчивает институт, на Выставке достижений народного хозяйства делает доклад перед иностранными делегациями. И, наконец, устраивает свою личную судьбу, получая красавца мужа, директора фабрики, тоже орденоносца.

Так вот, к 1940 году, когда социальные лифты уже потеряли свою актуальность, потому что в стране были и свои генералы, и свои писатели,— нужны были свои трудовые ресурсы, мобильные и не претендующие на славу, ордена, высшее образование и отдельную квартиру. Вот именно эти два факта совпали во времени, совпали абсолютно не случайно. В октябре 40-го года состоялась премьера фильма «Светлый путь» в кинотеатре «Художественный», и в том же октябре 40-го года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах». Ежегодно от 800 тысяч до 1 миллиона человек городской и сельской молодёжи подлежали мобилизации и в принудительном порядке направлялись в ремесленные училища, железнодорожные училища и в школы фабрично-заводского обучения.

По замыслу Сталина все они, по сути, должны были становиться рабочими на всю свою жизнь. При этом менять место работы они не имели права, потому что ещё летом 1940 года был принят закон, запрещающий самовольный уход рабочих с предприятий. По сути, рабочие были сведены до положения приписных крестьян времён Петра Великого, когда крестьян приписывали к фабрикам и заводам и запрещали им менять место работы. Это положение сохранялось до 1956 года. Многие рабочие, которые были эвакуированы на Восток, не могли вернуться в свои родные места именно потому, что это их закрепление за эвакуированными предприятиями диктовалось государственными интересами и всё.

Итак, что я хочу сказать в заключение. У меня перед глазами стоит очень яркий эпизод из моей собственной биографии, когда в январе 1966 года, мне тогда было 11 лет, я лежал в железнодорожной больнице города Сочи и вступил в ожесточённую дискуссию с простыми работягами, которые защищали Сталина. А я подчёркиваю, это 1966 год, излёт оттепели, но ещё до Пражской весны, ещё культ личности официально осуждался. Я был достаточно эрудированный малый, в свои 11 лет читал журнал «Новый мир», причём помню, что я его читал в библиотеке, в таком плотном голубом переплёте с книжным ледериновым корешком,— часть тиража печаталась в плотном переплёте. Потом, когда я приехал в Москву, то журнал «Новый мир» в мягкой обложке, поступающий в библиотеку МГУ, мне казался чемто неполноценным. А потом я прочитал, что Константин Михайлович Симонов с разрешения Сталина часть тиража печатал вот именно такими книжками. Для меня это было важно. И вот я уже тогда читал «Новый мир», читал все военные мемуары и достаточно быстро сумел доказать своим оппонентам, что на руках Сталина — кровь реальных преступлений.

Первоначально простые железнодорожники (начальников среди них не было) пытались мне объяснить, что во всём виноват Берия. Я ответил им, я ведь был сын офицера, что командир всегда несёт ответственность за всё, что происходит в его подразделении или части, а именно Сталин сам назначил Берию на пост наркома НКВД. Они опешили и, в общем, так грубо велели мне заткнуться. Потому что

спорить они не могли, а оставлять за мной последнее слово, за 11-летним щуплым пацаном, как-то было несерьёзно. Лишь спустя годы я понял, что они алкали правду, не желая считаться с истиной: они не хотели знать все эти факты.

Спустя несколько лет я увидел фильм «Освобождение» и уже не очень удивился, когда в первых же кадрах фильма на экране появился Сталин в маршальской форме, и люди зааплодировали, а кое-кто встал. Я очень хорошо помню все эти детали. «Освобождение» — это был широкоформатный фильм, на него трудно было попасть, он был хорошо разрекламирован. Я помню этот шок от стихийного вставания зрителей, которое никем не было организовано.

Подхожу к итогу. Я не знаю, когда историки придут к взвешенному взгляду на Сталина. Думаю, что не раньше, чем через 100 лет после его смерти. Во всяком случае Василий Осипович Ключевский в столетнюю годовщину со дня смерти Екатерины Великой говорил, что вот теперь можно говорить о ней спокойно: императрица уже не знамя для одних и не мишень для других. Не знаю, в столетнюю годовщину Сталина сможем ли мы о нём говорить беспристрастно. Как сказал Николай Михайлович Карамзин, история злопамятнее народа. Но меня не удивляет то, что рейтинг популярности Сталина сейчас поднимается.

И, наконец, я скажу о своей личной позиции, гражданской позиции, я не побоюсь сказать об этом честно. Понимаете, если меня спросят, антисталинист ли я, я скажу, что скорее да, чем нет. Но при этом, принимая сталинское наследие, я принимаю и обременение по его долгам, и поэтому часть вины за его преступления ложится и на мои плечи, плечи человека, который родился через год после смерти Сталина. Вот, пожалуй, всё.

А. Н. Привалов

Спасибо. Вопросы к докладчикам? Прошу Вас, Виктор Меерович.

В. М. Полтерович, заведующий лабораторией математической экономики ЦЭМИ РАН, академик РАН

У меня вопрос к Семёну Аркадьевичу. Скажите, насколько это раскаяние, — о нём, по-моему, Юрий Александрович тоже говорил, — насколько оно должно распространяться в глубину времён? Скажем, американцы, видимо, должны раскаиваться в том, что уничтожили аборигенов Америки, французы, как сказано у Ренана, должны забыть Варфоломеевскую ночь. А почему не продолжить ещё дальше? Вообще, история всех народов — это история войн, убийств, предательств, ну, и героизма тоже, конечно. Так вот что, надо забыть историю или раскаиваться по поводу всех случаев массового насилия?

Я поясню свой вопрос: то, что с сегодняшних позиций является преступлением, на самом деле было нормой во многих случаях, о которых мы сейчас говорили.

В. М. Полтерович

С. А. Экштут

Спасибо за Ваш вопрос. Я в данном случае придерживаюсь точки зрения Михаила Михайловича Бахтина: вещная сторона былого неизменна, смысловая — не завершена и открыта. Мы иначе смотрим на ситуацию с позиции временной дистанции в 50 лет или 100 лет. Видите, в 1614 году в Москве был повешен трёхлетний ребёнок, сын Марины Мнишек и одного из Лжедмитриев, его называли Ванька Ворёнок. Так вот и с точки зрения людей той эпохи, эта казнь была абсолютно легитимной, абсолютно законной. И с 1614 года, когда его повесили, закончилась русская Смута. Мы можем от этого лишь содрогнуться.

Я в своём выступлении никого не призывал и не призываю ни к какому раскаянию. В том, что я говорил, по-моему, слово «раскаяние» не прозвучало. Это немножко другое. Я принимаю обременение по долгам, я считаю, что часть вины лежит на мне, но это не значит, что я раскаиваюсь в этом. Это немножко разные вещи, в моем понимании во всяком случае.

А. Н. Привалов

Ну, в общем, раскаиваться можно только в личных грехах, конечно.

С. А. Экштут

Да. Именно так. Я не призывал и не могу призывать к раскаянию в преступлениях, которые я не совершал.

В. М. Полтерович

Вот я не могу понять, почему, если Вы виноваты, Вы в этом не раскаиваетесь? А если виноваты, почему же Вы в этом не раскаиваетесь? Я как-то привык иначе мыслить, вообще говоря. Если я чувствую на себе вину, то я тем самым и раскаиваюсь.

С. А. Экштут

Видите ли, я привык мыслить немножко иначе. Человек может согрешить и дальше продолжать существовать с сознанием греха, им совершённого, но продолжать жить. И сознание собственной греховности не всегда совпадает в пространстве и времени с раскаянием в своих былых проступках или преступлениях. Осознание собственной греховности вовсе не означает автоматического раскаяния. Я не могу испытывать раскаяние за преступления, которые не я совершал. Но я понимаю, что тяжесть этих преступлений ложится и на мои плечи. Такова моя нравственная позиция. Яснее я выразиться не могу.

А. Н. Привалов

Отцы ели виноград — у сыновей на зубах оскомина. Владимир Владимирович, вопрос, пожалуйста.

В. В. Бортко, депутат, заместитель председатель Комитета Госдумы РФ по культуре; режиссёр, сценарист

Не столько вопрос, сколько хотелось бы как бы внести полную ясность.

А. Н. Привалов

Нет, это чуть позже, сначала — вопрос. Сначала вопрос, а потом вносить ясность. У кого ещё вопросы? Прошу Вас, Дмитрий Борисович.

Д.Б. Зимин, почётный президент ОАО «ВымпелКом» (БиЛайн), соучредитель премии «Просветитель»

Я хотел узнать отношение профессиональных историков к оценке тех событий, о которых сейчас идёт речь. Оценка первая: Россия проиграла XX век и развалилась. Это сказал Солженицын, обоснования его связаны с тем, что если сравнивать положение России в мире, скажем, до начала Первой мировой войны и ближе к нашему времени по всем параметрам (положение России в науке, в экономике и т.д.), это сравнение, эта оценка кажется справедливой. Что скажут историки? Второе — за такие результаты XX века Россия заплатила чудовищную цену, которую просто даже нельзя сравнить с чемлибо. Отсюда ещё один тезис: Россия пережила национальную катастрофу.

Как историки относятся к этим тезисам и оценкам нашей истории?

В.В. Бортко

Ю. А. Петров

Наверно, моя очередь? По поводу России, проигравшей XX век. Я не вполне согласен с этой формулировкой. Дело в том, что даже в нашей международной исторической науке установилось такое определение, как короткий XX век. Он начался в 1914 или в 1917 году, а закончился в 1991 году, с распадом того государства, которое было создано в результате революции. Это говорит о том, что влияние России, Советского Союза в XX веке было громадным. И первый Ваш вопрос, он тесно связан со вторым: а как же быть с национальной катастрофой — она была? Конечно. Гражданская война унесла от восьми до десяти миллионов людей, Первая мировая — не больше двух, то есть в пять раз больше. Конечно, здесь потери не только от боевых действий — и от эпидемий, голода и т.д. Но это же катастрофа! Потенциал экономический России в 1920 году составлял едва несколько процентов от довоенного, и это тоже абсолютная катастрофа.

Но я бы здесь увидел и ещё одну сторону. Есть хорошее определение революции у Наполеона, лично мне оно нравится. Он знал, о чём говорил, и выразился так: «Революция— это десять тысяч вакансий». Когда одним махом снимается весь

Д.Б. Зимин

прежний верхний слой, прежняя элита, но открываются социальные лифты, как мы сейчас называем. И конечно же, эта энергия снизу, которая пошла в ответ на революцию,—собственно, она придала динамику развитию нашей страны на ближайшие десятилетия после революции,—была действительно громадна. Эти шлюзы и лифты заработали, и дети бывших крестьян и космические корабли построили, и бомбу сделали.

Здесь историки пытаются смотреть на наше прошлое не одномерно, я бы сказал. Мы пытаемся увидеть всю многомерность событий, все их неожиданные даже для нас изгибы и углы. И мне представляется, что сводить к одной какой-либо формуле оценку нашего XX века невозможно. Есть крайности, они в нашем обществе есть. Есть предложение назвать советский период чёрной дырой, так сказать, призывы к тому, чтобы его забыть, как бы зачеркнуть или выбросить из нашей истории. Ну, это тоже совершенно неверно. Это наша с вами, что называется, «печёнка», наша с вами плоть, мы от неё отказаться не можем. Это дело наших отцов и дедов. Это часть нашей истории.

Не знаю, насколько я был убедителен и исчерпывающ для Вас, но для меня представление о нашем XX веке, повторяю, к одной формуле сведено быть не может.

С. А. Экштут

Я пару слов добавлю к вопросу о социальных лифтах во время войны. Я назову только одну цифру — 116 человек, начав войну рядовыми или сержантами, закончили её в должности командира полка. Значит, что такое 116 командиров полков? Это 29 дивизий. Сколько это армий, посчитать сложно. Но 29 дивизий — это много. И Сталин делал ставку на этих людей, он понимал, что война выдвинет наиболее талантливых, и он сознательно расчищал для них путь. Точно так же как он совершенно сознательно понял, что к 40-му году социальные лифты потеряли свою актуальность, и нужно просто сохранить ту сословную структуру, которая была отменена революцией, но вновь сформировалась к началу войны.

Я не считаю, что Россия проиграла XX век, тут я полностью солидарен с Юрием Александровичем, нет, не считаю.

А. Н. Привалов

Спасибо. Ещё вопросы, пожалуйста.

Прошу — профессор Московской консерватории Александр Зиновьевич Бондурянский

А. 3. Бондурянский

У меня вот какой вопрос. Всё, о чём говорили докладчики, безусловно, очень интересно, заставляет о многом задуматься. Вместе с тем возникает целый ряд вопросов, связанных, может быть, с уточнением понятий.

Сейчас, не только сегодня здесь, а вообще, очень много говорят о юбилее Русской революции. Юбилей — это торжество, юбилей — это праздник. Мы говорим о торжестве Русской революции или мы говорим о годовщине, столетней годовщине? Это первое.

Второй вопрос. Юрий Александрович, Вы говорили о том, что у Русской революции было несколько фаз. Это фазы, перетекающие одна в другую или противоположные по своей сути? Понятие «Великая революция» относится ко всем фазам или к какойто одной, как нас учили? А дальше я думаю, что в таком обзоре, говоря о значении революции и проводя параллели с Великой французской революцией, можно было бы поговорить и о такой проблеме, как «революция и искусство».

И последнее. Короткий XX век. А разве предшествующее 1917 году не было XX веком? Разве это произошло настолько внезапно, что ничего не предвещало? Почему же мы, когда изучаем Великую французскую революцию, говорим о предшествующем периоде, когда вызревали, так сказать, какие-то предпосылки? Я думаю, что XX век ещё не закончился, к сожалению. И сегодня, говоря о столетии Великой или не Великой русской революции, мы можем говорить о том, что продолжаем изживать, переживать и, так сказать, находить своё место в тенденциях, которые были открыты этими революционными событиями. Спасибо.

А. 3. Бондурянский

Ю. А. Петров

Спасибо за вопросы. Начну с последнего. Я имел в виду «короткий век» как определение для XX века в противоположность долгому XIX веку, который в истории начался в 1789 году, а закончился в 1914. Здесь эти понятия определены не по календарю, а по значимости в хронологии.

Что касается «юбилея» — если я применил это слово, Вы совершенно правы, и поймали меня на этом. Конечно же, мы ничего не празднуем. Конечно же, это не торжество. Конечно же, эта революция, приведшая к действительно громадным жертвам, это не повод для танцев. И поэтому ни в одном официальном документе вы слово «юбилей» и не найдёте, я имею в виду, в документе, исходящем от государственной власти. Речь идёт о мероприятиях в связи со столетием. А дальше мы сами определяем для себя, что, собственно, делаем.

Насчёт Великой революции и её фаз. Великой российской революцией мы, конечно называем весь процесс, от февраля до конца Гражданской войны. Ни одна из внутренних фаз такого определения, мне кажется, не требует. Февральская, Октябрьская, Гражданская война — это три составные части одного процесса,

и только все вместе они приобретают вот это определение «Великая», о котором я сегодня говорил.

Ну, и последнее — относительно искусства. Могу сказать только, что мы готовим в Институте российской истории сейчас большую книгу, действительно большую, в двух томах, которая будет называться «Великая российская революция: власть, общество, культура». Там будет очень большой раздел о том, как революция повлияла на взрыв этого нового искусства в самых разных сферах. Мы не упускаем из виду эту тему.

А. Н. Привалов

Спасибо. Ещё вопросы. Прошу Вас.

А.В. Захаров, вице-президент ИК «Еврофинанс»

Юрий Александрович, вопрос к Вам. Вы сказали, что главный вопрос, который мучает общественность: почему произошла революция? Я несколько по-другому смотрю на это, и хотел бы уточнить. На мой взгляд, набор факторов, которые определили наступление этих событий, более или менее очевиден. Скорее, я бы поставил вопрос по-другому, даже два вопроса.

Что больше было в этих событиях, имея в виду Русскую революцию в целом,—закономерного или случайного? Известно, что в истории закономерность и случайность не всегда дружат. Условно говоря, в качестве просто штрихпунктирных примеров — была знаменитая записка, вернее, меморандум Дурново в феврале 1917 года, где он предупреждал государя о том, что не надо ввязываться в войну с Германией; или уберегли бы Столыпина и т.д.

И второй вопрос, который из этого вытекает. Всё-таки надо оценивать не только вкупе февраль, октябрь, Гражданскую войну. Я считаю, что, давая оценку Русской революции, надо давать оценку — сейчас это важно — советскому проекту в целом. И в этой связи возникает вопрос: как оценить итоги советского проекта, имея в виду, что есть развилка, есть разные мнения? Первое — это неудачная реализация хорошего замысла. Второе — замысел был несовершенен и не очень хорош. Третье — а был ли замысел? Есть другие мнения. Кстати, одно из них было высказано в книге «Номенклатура» Восленского 1. По его мнению и мнению ряда европейских коммунистов, просто группа людей, воспользовавшись исторической ситуацией, пришла к власти. «Произошла смена караула», — так в книге написано, я воспроизвожу не свою точку зрения, а точку зрения Восленского, и не только его. Просто один господствующий класс был сменён другим. Были дворяне и помещики, а пришла партийная бюрократия. И, в принципе, весь советский проект — это проект смены одного господствующего класса на другой при усилении эксплуатации трудящихся.

¹ Восленский Михаил Сергеевич (1920, Бердянск – 1997, Бонн) — советский историк, социолог, философ.

А.В. Захаров

А. Н. Привалов

Ну, Вы очень уж совсем до безграничности раздвигаете берега нашего заседания. У нас и так довольно много всего затронуто, а ещё и весь советский проект туда же.

А.В. Захаров

Нет, я же сказал, по какой развилке.

Ю. А. Петров

Попробую ответить совсем коротко. Вопросы резонные, и я их вполне разделяю. Во-первых, революция — стихия или закономерность? Противопоставление здесь, мне кажется, не вполне корректно. Конечно же, революция не на пустом месте возникает. Конечно же, созревают внутренние её предпосылки в нарастании социального конфликта на объективной основе. В России это был, прежде всего, вопрос и о мире, и вопрос о земле, которые решили большевики, и за счёт этого и удержались у власти.

Вместе с тем, повторяю, фактор стихийности в том, что революция происходит, очень силён. Я сегодня начал говорить о критической массе, — может быть, есть как раз такой переходный момент, когда во всём возникает точка невозврата. Это когда

казачий патруль на Невском проспекте зарубил полицейского пристава, который стрелял из револьвера в толпу демонстрантов. Пристав получил приказ всеми силами разогнать эту толпу, и он стрелял. Казаки возмутились, зарубили пристава, перешли на сторону демонстрантов, вслед за ними — солдаты и т.д. Это стихийный момент абсолютно.

Могло этого не быть? Могло, конечно могло, и тогда, может быть, события пошли бы иначе. Тем не менее, говоря о том, что революция готовилась, что Россия как бы была беременна революцией, всё это верно, да. Но была ли фатально неизбежна революция? На мой взгляд, нет. Очень большую роль здесь сыграл стихийный фактор, именно стихийный, а не конспирологический.

Насчёт советского проекта — эта теория и точка зрения давно, в общем-то известна, особенно в западной советологии. Там принято считать, что России нужна была ускоренная модернизация, и революция этому способствовала тем что сняла прежний, не слишком эффективный слой управленцев, и как бы выдвинула на передовые позиции новых, более талантливых людей, хотя и менее подготовленных.

Не вдаваясь в эту полемику (она очень далеко нас может увести), скажу, что советский проект для России, безусловно, дал очень много. И при всех его негативных, сейчас активно педалируемых сторонах я полагаю, что в период 1960-х годов у нас уже вполне наметилась общемировая тенденция перехода к социальному государству. Это было не сразу, это прошло через период Сталина и Хрущёва. А вот во времена Брежнева я считаю, что советский проект был вполне конкурентоспособен с западным. Почему это не произошло и почему он, так сказать, уступил в этой конкуренции — вопрос, как говорится, другой.

А. Н. Привалов

Спасибо. Вы хотели вопрос задать? Прошу Вас.

Р. М. Качалов, заведующий лабораторией ЦЭМИ РАН

У меня вопрос к Юрию Александровичу. Завершая выступление, Вы сказали о том, что покаяние должно быть с обеих сторон. Я хотел понять: это некоторая метафора или это относится к определённому периоду столетней давности, или к нынешнему? Это одна часть вопроса, а вторая часть: можно ли уже просто говорить о какой-то конкретизации или даже персонификации этих сторон? Спасибо.

А. Н. Привалов

Кто конкретно должен каяться?

Ю. А. Петров

Скажу коротко. В феврале на конференцию в храме Христа Спасителя приехали многие представители нашего русского зарубежного мира. Среди них был и князь Трубецкой,

Р. М. Качалов

внук Сергея Николаевича, ректора Московского университета, был князь Шаховской Дмитрий Михайлович, граф Шереметьев. Вот они, стоящие на той стороне люди, пострадавшие от революции, изгнанные, так сказать, во всяком случае их родители покинули родину,— именно они-то и начали этот разговор, выступив с инициативой такого примирения и покаяния. Но чтобы это не было в одностороннем порядке. Они просили, и это было их желанием, особенно Трубецкого Александра Александровича, чтобы не только они каялись. Вот это, я бы сказал, очень важный момент.

Готово ли наше общество к этому? Не знаю, могу сказать точно, не знаю. Но другого пути выхода из этого противоречия, из этой продолжающейся гражданской войны между красными и белыми,— она такая вялотекущая, но, мне кажется, продолжается,— вот от этого надо уходить, безусловно.

А. Н. Привалов

Спасибо. Прошу Вас.

Д. Н. Курочкин, вице-президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации

Вопрос к Юрию Александровичу. Не сочтите за буквоедство, но, если заметили, все, задававшие вопросы, использовали термин «Великая русская революция», а Вы— «Великая российская революция». Не сочтите за придирки, это непереводимо на другие языки, но это какой-то принципиальный вопрос? Потому что, насколько я помню, даже при большевиках, когда говорили о революции, например, 1905 года, использовали термин «Первая русская революция».

Ю. А. Петров

Не то чтобы он принципиальный, но те, кто сейчас говорит о Великой русской революции, они, мне кажется, просто берут кальку с английского, там уже давно существует такое понятие — The Great Russian Revolution. В английском нет тонкости разделения этноса от государственности. Но в русском языке такая тонкость есть. И если называть Великой русской революцией, мы рискуем получить весьма серьёзные негативные последствия. Что я имею в виду? Сейчас в странах СНГ и на Украине, разумеется, и в Белоруссии, и даже в Средней Азии есть тенденция как бы растащить столетие революции по национальным квартирам и говорить о том, что была «украинская революция», была «белорусская революция», «узбекская». Есть такие тенденции. Если мы назовём Великой русской революцией, то как бы отдадим им поле игры. А говоря «российская», мы, разумеется, имеем в виду всё государство. Революция была не в этносе, а революция была в государстве. И эта тонкость заключается именно в том, чтобы подчеркнуть всероссийский масштаб событий.

Д. Н. Курочкин

И узбеки сразу станут под российские знамёна.

А. Н. Привалов

Узбеки не станут под российские знамёна.

Ю. А. Петров

Во всяком случае, у них всё-таки не должно быть своей «узбекской революции». Я считаю так.

А. Н. Привалов

А по-моему, если им нравится, пусть имеют. Ещё вопросы, господа. Если нет, тогда позвольте мне задать вопрос, потому что у меня с самого начала вьётся на языке, мне ужасно интересно.

Юрий Александрович справедливо заметил, что о причинах событий 1917 года все наслышаны многократно и это много обсуждается. На мой взгляд, гораздо меньше,

Д. Н. Курочкин

просто недостаточно обсуждаются причины одного конкретного аспекта. Пользуясь словами Василия Васильевича Розанова, Россия слиняла в три дня, как не бывало. Почему так безнадёжно, почему за три дня в 17-м году, параллель — почему за три дня в 91-м году, почему она слиняла оба раза, как не было? Есть ли какие-то причины этому, анализируется ли это?

Ю. А. Петров

Хороший, безусловно хороший, но и такой же вечный вопрос. Три дня — и вечные поиски ответа, я имею в виду.

Что касается февраля: Розанов, конечно, правильно сказал. Но ситуация была какая? Революция была в Петрограде, а Россия узнала о событиях в Петрограде по телеграфу— по телеграмме, которая была отправлена депутатом Государственной думы Бубликовым по сети железных дорог. Никто не знал вообще, что происходит. До некоторых областей известия из Петрограда вообще дошли через недели. А главное, мне кажется, в том, что сама власть как бы слиняла. Император отрёкся и тем самым сразу выбил почву из-под ног всех своих защитников. Парадокс! Ни одного выступления Союза русского народа [черносотенная монархическая организация], ни одного! Все куда-то исчезли.

Стоило царю подписать манифест об отречении, и этих многотысячных шествий с хоругвями будто вообще и не было.

Парадокс заключается именно в том, что власть в России не должна быть слишком слабой. Как и в 1991 году.

А. Н. Привалов

В 1991 году всё-таки никто не отрекался. Ну, манифеста коммунистов тоже не было.

Ю. А. Петров

Но слабость была проявлена очевидная, да.

А. Н. Привалов

С вопросами мы завершили круг. Теперь кто хотел бы выступить? Первым — Владимир Владимирович Бортко. Пожалуйста!

В.В. Бортко

По одной простой причине: потому что Владимир Владимирович Бортко член фракции КПРФ в Государственной думе. Я просто оттуда, я там деньги получаю, я работаю там, поэтому я и выступаю как член фракции.

Значит, что касается исследуемого вопроса. Я не историк, к сожалению, хотя хотелось бы знать гораздо больше. Но в силу разных обстоятельств своей жизни мне приходилось знакомиться с разными историческими документами и книгами об этом периоде. Более того, поскольку я всё-таки ещё и режиссёр, то я привык как-то говорить несколько императивно [безапелляционно]. Обычно всегда в группе я говорю: «Значит так, будет вот так, так и так!». Так вот, я хотел бы внести полную ясность.

Что касается единой революции — этого нет, не может быть никогда, потому что не может быть никогда по одной простой причине. Что есть Февральская революция? Это буржуазная революция, не более того. Это та самая, которая произошла во Франции несколько раньше, скажем так. Почему во Франции свободно и спокойно празднуют летом свержение Бастилии и всё остальное? Да ничего же не изменилось, они получили то, чего хотели именно тогда, в этот день!

В то время как Октябрьская революция — принципиально другая вещь. Это, если хотите, сродни возникновению христианства или мусульманства, почти религия. Ибо вектор власти был направлен в принципиально другую сторону. Для чего делалась Французская революция? Плоды революции, собственно, для кого? Она делалась для буржуа, и они получили свою власть, всё правильно и хорошо.

Для кого делалась Октябрьская и для чего она делалась — построить великие плотины, запустить спутники, получить атомную бомбу? Да нет, не в этом дело. Как ни странно, образовать [дать образование] свой народ — для этого. Вот основное направление революции. И с этой точки зрения она не то что удалась, а о-го-го как удалась! Я прошу сейчас сидящих в зале сказать мне, кто из них происходит из баронов и графьёв, простите? Тишина. А откуда же все? И когда мне говорят, что миллионы

рабочих были закреплены на местах и не могли никуда двигаться— скажите, пожалуйста, а максимальное количество студентов в первые годы советской власти— откуда они, с Марса? Это те самые люди. После этого технический прогресс, который осуществлялся в Советском Союзе,— кто его делал и почему?

Здесь вот чрезвычайно сложная вещь. Я понимаю попытки современной власти как-то примирить народы. И так, в общем-то, это невесело, мягко говоря, да тут ещё и революция, непонятно где какая. Хорошо, была бы одна, и вообще приятное, радующее нас единообразие. Не получится никогда, потому что есть поступательное движение. Одна революция сменилась другой революцией, но между ними общего нет ничего.

Почему же произошла революция? И совершенно правильно сказали: какая замечательная связь между гибелью империи и гибелью Советского союза — три дня! Да почему? Да по одной простой причине. Что вело к революции? Раздрай элит прежде всего, вот в чём дело! Элиты между собой порешили в три дня, — там достаточно быстрые разборки происходят. Народ в этом практически никакого участия не принимал, почему так и случилось в одном случае. Точно так же случилось и в другом случае: воевали между собой элиты, и не более того.

Короче говоря, самая главная мысль, которую я сейчас хотел подчеркнуть,—это то, что мы находимся в поступательном движении. Каяться не будем. Это всё равно что покаялись, я не знаю, феодалы перед рабами, примерно то же самое. Это бред. Это поступательное движение истории, и здесь нечего каяться, нужно брать и всё. И то, что великий Советский Союз вывел нашу с вами страну на высочайший уровень развития в разных областях, в том числе и культурных, между прочим,— это факт, и никуда не денешься.

Теперь, почему развалился Союз и почему с Брежневым. Брежнев-то, собственно говоря, и есть причина, если хотите, такого вот быстрого развала. Ибо когда на XX съезде разоблачили Иосифа Виссарионовича Сталина (кто разоблачал — между прочим, самый главный палач), то из идеи этой революции, которая прошла там, был вынут самый главный, стержневой элемент — идея. Всё остальное, что последовало потом, просто следствие, растянутое во времени.

Что делал Никита Сергеевич? Сам себя оберегал и только. И не он один, между прочим, главный маршал войны — тоже. Ну, например, фраза замечательная. Когда Никита Сергеевич — это цитата, я сейчас приведу, я знаю, что я говорю — на XX съезде говорил: «А как Сталин руководил войной — подойдёт к глобусу и показывает...». Это тот человек, который практически эту войну выиграл, то есть все вокруг маршалы были им назначены. Маршалы сидели в зале, в том числе сидел и главный маршал войны. Почему молчал? Да потому что было почему: для него Сталин был хуже, чем, ну не хуже, чем Гитлер, но примерно также. Вот в чём дело.

А дальше Брежнев, который просто не знал, что делать. В общем, русская история повторяется, очень интересно. Пётр І. Кто делал всё, так сказать, руками при Петре І?

Меншиков. Воровал, да, конечно, очень сильно, но делал сам, он умел здорово подбирать людей. И у Петра была команда из фантастически талантливых менеджеров, это действительно так. Они знали «как», но не знали «что». Пётр умирает. Результат — достаточно длинное по времени царство женщин. Дальше. Сталин умел подбирать людей? Берия, кстати сказать, автор и танков, и бомбы, и космоса, и чего угодно. Он умел это делать. Сталин умирает, и начинается раздрай: они умели делать, но не знали «что». Ну, то есть повторяется та же самая история. Остался один Никита Сергеевич, все остальные — в разные стороны. А Берию просто расстреляли. Кстати, в собственном доме, между прочим. Это неправда, что его осудили. Его расстреляли в собственном доме и привезли в Кремль показать, что уже всё, ребята!

Теперь что касается Брежнева. Действительно тихо-тихо можно доехать до самого конца. И доехали. В Китае был Дэн Сяопин. Что интересно, Дэн Сяопин был участником XX съезда (кто не знает, это очень интересно) и решил, что вот так делать не будет. И в Китае сейчас делается так, как надо: они оставили идеологию и поменяли экономику. А что касается Леонида Ильича, то он тихо-тихо доживал на том, что было. После него замечательный Горбачёв сделал всё то же самое, только наоборот, по сравнению с Китаем. Китай поменял экономику, оставив идеологию, а здесь было всё наоборот, и всё рухнуло. Рухнуло почему? Раздрай элит, их не устраивало, им не на чем было держаться. При Сталине на чём они держались? Не на страхе, кстати, нет. Была идея: мы должны что-то делать. А здесь что? «Он получает сколько, а я делаю то же самое и ни фига не получаю»,— результат не замедлил сказаться.

Извините мой краткий неисторический экскурс в историю. Значит, основной вывод: две разные революции — одна, идущая после другой. То, что мы увидим ещё одну, можете не сомневаться, так оно и будет.

А. Н. Привалов

Спасибо. Ну, на самом деле, это интересно.

Ю. А. Петров

Прошу прощения, можно я чуть-чуть отреагирую? Я высоко ценю Ваши фильмы, Владимир Владимирович, но Ваша декларация о том, что Вы «вносите ясность», звучит как-то странно. Вы выступили с политической декларацией, в общем-то, ничем не подкреплённой. Вы признались, что Вы не историк, но с уверенностью рассуждали об этих вещах — почему? Потому что для Вас неприемлемо сравнение или сопоставление Февраля и Октября. И Вы исходите не из аргументов, а из политических пристрастий. Я прошу прощения, у меня осталось такое впечатление. И вот на этом пути мы никогда не закончим эту гражданскую войну в умах. Вот Вы встанете и скажете: «Нет, мы не будем ничего ни признавать, ни каяться, потому что таков был ход истории, он всё перемолол, никто не при чём». Мне кажется, это совершенно не путь для нашей страны, это только поддерживает совершенно ненужное для России противостояние.

А. Н. Привалов

На самом деле, всё-таки прекрасно. Значит, дважды, два раза за три дня слиняло огромное государство — потому что это была разборка элит. За одну ночь поменяли вектор истории — потому что там участвовал весь народ. Это здорово.

Кто у нас следующий? Елена Владимировна — прошу Вас

Е.В. Устюжанина, заведкафедрой экономической теории РЭУ имени Г.В. Плеханова, профессор

Уважаемые коллеги, прежде всего я хотела бы сказать, что мне очень понравились оба доклада, они были чрезвычайно интересными.

Вообще говоря, Юрий Александрович, Ваше предложение таким образом трактовать те годы, наверное, гениально. У него есть только один-единственный недостаток: его не примут. И вот свидетельство [указывает на своего соседа, кинорежиссёра В. Бортко]. Не примут не только коммунисты, но и так называемые прежние элиты, о которых Вы говорили, — наследники Трубецких и прочие. Хотя Ваш рассказ об этих людях меня потряс: «Я покаюсь при условии, что и Вы покаетесь». Мне всегда казалось, что покаяние — это когда я каюсь в своих грехах, если они есть, конечно. И здесь не может быть никакого условия.

Я хотела бы поспорить с Семёном Аркадьевичем [Экштутом]: репрессии против своих начались не в 1936-м. Как внучка человека, которого посадили в первый «кировский» набор (1934 г.), могу сказать, что всё началось гораздо раньше. Безусловно, если мы посмотрим на то, что было, то там параллельно идут два процесса: первый — борьба за власть всеми методами, включая аморальные, и второй — построение новой экономики. Борьба за власть наиболее ярко стала проявляется именно после XVII съезда партии, где Киров получил большинство голосов. Весь съезд, почти все его депутаты были посажены, потому что неизвестно было, кто за кого голосовал. Но одновременно трудно не признать действительно гениальный менеджмент. Поскольку у меня все деды, включая двоюродных, и даже часть бабушек, были арестованы, меня растили в убеждении, что Сталин — злодей. А потом я стала изучать экономическую историю и увидела, что было сделано, и как действительно гениально он умел подбирать людей.

Но возникает вопрос: почему все эти злодейства, эти жертвы, когда людей совершенно не жалели, могли продолжаться так долго? Здесь приходит на ум чисто экономическое соображение: что есть ценность для российского человека? Как это ни страшно, может быть, звучит, на мой взгляд — территория.

К примеру, в Праге экскурсоводы, которые водят туристов по историческому центру, обычно объясняют: «Мы вынуждены были сдать город гитлеровским войскам, чтобы он не был разрушен». Для русского человека такое объяснение совершенно немыслимо: как это сдать свой город ради сохранения каких-то зданий! Ведь есть множество свидетельств того, что наши сами поджигали Москву, когда в неё вошёл Наполеон (не знаю, насколько эти свидетельства достоверны, я не историк).

Е.В. Устюжанина

Можно ли из этого сделать вывод, что чехи — рабы? Нет, конечно. Если мы посмотрим на их историю, у них такая свобода духа, дай Бог всем — и гуситы, и 1968 год ... Просто для них свобода и территория не тождество. А вот для нас территория важнее всего, даже собственного народа. Мы готовы за неё приносить любые человеческие жертвы. Как говорят экономисты, очень высокий коэффициент замещения.

Я понимаю, что говорю сейчас спорные вещи. Но сколько людей мы готовы были положить, чтобы завоевать высоту! Вспомним рассказы о том, как американцы бомбят, бомбят, бомбят, пока выстрелы не прекратятся. А мы идём брать «на ура!», экономим боеприпасы. Обмен людей на территории — это было в течение всей нашей истории. И поэтому, как мне кажется, и Ленин, и Сталин — плоть от плоти российской истории. Именно поэтому их режим так долго продержался: они продолжали наши традиции.

Ещё один пример. Давайте посмотрим на присоединение Крыма к России. Как мало людей в нашей стране не поддержали восстановление нашей территории...

Я понимаю, что сказала, наверное, очень спорные вещи, но это моя точка зрения.

А. Н. Привалов

Спасибо. Следующее слово я предоставляю Виктору Мееровичу Полтеровичу.

В. М. Полтерович

В том, что здесь обсуждалось, есть небольшой кусочек, которым я занимался профессионально. Это касается вопроса о том, была ли конкурентоспособна социалистическая экономика. На эту тему написано колоссальное количество работ. Мой ответ на этот вопрос отрицательный. Трагедия как раз и состояла в том, что исходная идея социализма — ликвидация частной собственности и тотальное государственное управление экономикой — оказалась не жизнеспособной. Я не буду вдаваться в детали, но замечу, что целесообразно различать два этапа так называемого социализма.

На первом этапе, условно его можно назвать сталинским, основная задача всей экономики и политики состояла в создании мощного военного государства. Теми методами, которые тогда использовались, как выясняется, можно было добиться определённого успеха в достижении этой цели. В период оттепели произошла смена критерия: вдруг «заиграл» пресловутый основной закон социализма — «максимальное удовлетворение растущих потребностей трудящихся». И немедленно обнаружилось, что социализм не способен решить эту задачу. Почему так, почему централизованная плановая система не годится для достижения этой цели, — сложный вопрос, он касается не только экономики, но и социальных взаимоотношений. Я на этом останавливаться не буду за неимением времени.

Размышления о причинах революции было бы полезно встроить в общую картину российской модернизации. Россия ощущала свою отсталость от Запада в течение нескольких столетий, может быть, даже с самого начала своего существования. Мне кажется, что, размышляя о причинах революции, нужно начинать по крайней мере с момента освобождения крестьян. Освобождение было нацелено на то, чтобы решить земельную проблему. А в 1917 году выяснилось, что она отнюдь не решена, и этот вопрос стал стержневым для революции. Несмотря на то, что, казалось бы, реформа 1861 г. была проведена со значительным искусством, были, видимо, сделаны и радикальные ошибки, которые до конца так и не удалось исправить. Недовольство крестьянства, послужившее взрывным материалом революции, накапливалось ещё с того периода.

Кстати говоря, если мы посмотрим на историю как на последовательность модернизационных реформ, то будем вынуждены 1992 год поставить в этот же самый ряд. Революция—это шоковая реформа в её крайней форме. В 1992 году мы испытали ещё одну шоковую реформу. Вообще говоря, подобные реформы не удаются не только в России; и в других странах за редчайшими исключениями они обречены на поражение.

Ну, и немножко я хочу сказать о том, в чём профессионалом никак не являюсь,— как вообще оценивать прошлое. Мне кажется, что примириться можно, только

осознав, что наши моральные оценки, оценки сегодняшнего дня, не применимы к историческим событиям. Иначе мы будем вынуждены рассматривать всю историю как цепочку преступлений. И это относится отнюдь не только к России. Я не уверен, что американцы испытывают чувство вины, когда думают об уничтоженных индейцах, или даже о том, что произошло в Хиросиме, или даже о совсем близком событии — о бомбардировке Белграда.

В 1791 году Иммануил Кант написал трактат «К вечному миру», где отмечал, что нормальное состояние взаимоотношений между народами не есть состояние мира, это состояние войны — если не в явной форме, то, по крайней мере, её угроза. Состояние войны всего лишь два с небольшим века назад было нормой! А сейчас война рассматривается как преступление.

Значит ли это, что мы к войнам прошлого должны относиться, как к преступлениям? Мне это кажется абсурдом.

Я думаю, что основа, центральный пункт примирения состоит в осознании того, что с сегодняшними моральными мерками нельзя относиться к прошлым событиям. Это отнюдь не означает примиренческой позиции к возможным рецидивам жестокого прошлого в наше время.

А. Н. Привалов

Спасибо, Виктор Меерович. Дмитрий Борисович — прошу Вас.

Д.Б. Зимин

Я просто хотел обратить внимание на то, что последние два—три дня по Интернету ходит обращение некоего братства (какой-то монастырь, что-то в этом роде) с призывом к всенародному покаянию. Сейчас там идёт сбор подписей. Из таких заметных людей, которые подписали это обращение (оно сейчас есть в Интернете), это наш режиссёр Смирнов, автор «Белорусского вокзала». Но это так, к сведению.

Ю. А. Петров

Покаяние в связи с чем?

Д.Б. Зимин

В связи с тем, что они рассматривают наш XX век как трагедию, которую мы устроили сами себе. Может быть, это и правильно, не знаю.

Второе. Из таких трагических дат нашей истории или просто даже знаменательных редко упоминается одна дата — по-моему, 5 сентября 1918 года. День объявления «красного террора». Это объявление сделало правительство, не кто-нибудь, Совет народных комиссаров, и тем самым оно объявило, что является террористической организацией, — как в каких-то обсуждениях добавляется, таким оно и было последние 70 лет. Я не берусь судить, но говорю, что есть такое мнение. Как к нему отнесутся историки?

Следующее. Рассматривая нашу историю, нельзя проходить мимо каких-то очень ярких фактов, я бы сказал, вопиющих фактов. Во-первых, известно, что Сталин и Гитлер сочувствовали друг другу. Вспоминаю, говорю по памяти, выступление Молотова на сессии Верховного Совета, по-моему, в 1940 году звучит так, что можно соглашаться или не соглашаться с идеологией то ли фашизма, то ли национал-социализма, но ясно, что, как с любой идеологией, с ней нельзя бороться силой оружия. После этого агрессором в Европе была объявлена Англия, естественно. С Германией нельзя бороться силой оружия.

Наконец, ещё один факт — тоже говорю по памяти — о развале Советского Союза. Вспоминая Брежнева, Хрущёва, кого угодно, — действительно ли можно в первую очередь говорить о полном экономическом провале? Опять вспоминаю цитату. К середине 1970-х годов Советский Союз вышел на первое место в мире по производству бракованной техники. Столько сломанных комбайнов, сколько стояло у нас в полях в те годы, американская промышленность должна была производить 70 лет. Эту фразу со ссылкой на экономистов мы видим в книге Гайдара «Долгое время». Да, и дальше фраза, что это была экономика планового абсурда, которая не могла не развалиться.

Это просто к сведению, я просто хочу сказать, что есть некие вопиющие факты, мимо которых трудно пройти, оценивая нашу историю.

А. Н. Привалов

Спасибо, Дмитрий Борисович. Но всё-таки это довольно оригинально. Значит, мы пытаемся обсудить, есть ли какие-то способы сблизить позиции, а сначала Владимир Владимирович, потом Вы говорите о том, что вы ещё недостаточно учли, какая мерзкая противоположная позиция. Это сильный ход, конечно, но вряд ли он ведёт к той цели, о которой мы говорим. А что же касается покаяния — я полон глубочайшего уважения к Андрею Сергеевичу Смирнову как к человеку, как к художнику, но каяться можно только в своих грехах. Ну, уж если вы берете слово христианское, ну так используйте его правильно.

Д.Б. Зимин

Я это приводил только лишь для справки.

А. Н. Привалов

Да-да, я понимаю.

Д.Б. Зимин

И больше ничего.

А. Н. Привалов

Александр Владимирович Голубев — пожалуйста.

А.В.Голубев

А.В.Голубев, руководитель отдела по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН

Хотелось сделать несколько частных замечаний и по поводу докладов, и по поводу их обсуждения. Во-первых, мне кажутся наивными отсылки к тому, что сейчас слишком рано говорить о примирении, о Сталине. Вот пройдёт 100, 200, 300 лет... Совсем недавно мы были свидетелями, как, ну скажем, не все общество, но его исторически мыслящая часть раскололась по поводу памятника Ивану Грозному. Простите, это почти 500 лет тому назад, тем не менее нет консенсуса, как тогда не было, так и сейчас нет. Точнее сказать, временами был, но сейчас его нет. Так ставить памятник Ивану Грозному или не ставить? То есть его уже поставили — так хорошо это или плохо?

Второе, когда мы говорим о российской революции (а я согласен с большей частью тезисов Юрия Александровича [Петрова], что это Великая революция, которая прошла ряд закономерных этапов). Если мы внимательно посмотрим на историю всех значимых революций, мы увидим, как они с неизбежностью спускаются по ступенькам радикализации. Это относится и к Французской революции: все круче, круче, круче и потом постепенно начинается выход. Это и Российская революция. Но дело в том, что

большевики-то других образцов не знали, кроме Французской революции. А мы знаем, была революция 1979 года в Иране, Исламская, которая прошла те же самые ступени: на первых порах либералы, потом круче, круче. Только это были не большевики в конце концов, а аятоллы, то есть исламские радикалы. Но опять-таки она проходит ступени ко всё большей радикализации. Но это не значит, что это разные революции. Это ступени одной и той же огромной, Великой революции.

Далее. У меня всегда вызывал противоречие тезис о проигрыше России XX века. Если мы будем завершать XX век 2000 годом—ну, в общем да, конечно. Если, скажем, 1982 или 1991 годом, то это уже выглядит намного более сомнительно. И возникает вопрос: проиграла Россия XX век в результате 1917 года или всё-таки в результате 1991 года?

Д.Б. Зимин.

В результате 1914 года.

А.В. Голубев

А, в результате 1914. Понятно. Но как Вы только что выразились, есть огромное количество «вопиющих фактов», которые говорят о том, что к 1991 году Россия пришла намного в более развитом состоянии, чем в 1914. А вот что мы имеем сейчас—ну, это уже другой разговор.

Д.Б. Зимин

Вы имеете в виду технически?

А.В. Голубев

Не только. А уровень жизни?

Д.Б. Зимин

По сравнению с чем?

А.В. Голубев

Ну, с тем же 1914-м.

Д.Б. Зимин

Нет-нет, сравнивается в том же 1914 году с другими странам, скажем, с Америкой, Англией.

А.В. Голубев

А историки давно это сравнили. Отставание тогда было ещё больше, чем в 1991 году. Вы зря считаете, что Россия в 1914 году жила почти так же, как Америка, на этот счёт есть убедительные цифры.

Далее — по поводу покаяния. Вы знаете, мне эта идея кажется очень сомнительной. Я бы с удовольствием посмотрел по телевизору, как, с одной стороны, кается, условно говоря, князь Шаховской, что его предки — белые офицеры и т.д., монархисты. А с другой стороны, ну хоть Сванидзе, что его предки — кровавые чекисты. А вот у меня, например, в роду не было ни белых офицеров, ни чекистов, — я перед кем должен каяться? За кого? За себя? Не в чем. За предков? Тоже не в чем. Понимаете, можно каяться — я абсолютно согласен — за свои личные грехи. А каяться за некие абстрактные политические силы — мне кажется, это тупиковая идея.

Да, ещё одно частное замечание. Можно говорить о том, что плановая экономика не работала в СССР, хорошо, я согласен. Ну, уже 30 лет мы живём в рыночной экономике, и у меня сильное сомнение, что она так уж очень хорошо работает. Может, она тоже порочна изначально? Я не опровергаю, я комментирую. И последнее.

Из зала

Рыночная ли она?

А.В.Голубев

Ну, а плановая ли она? Мы будем спорить о терминах? И последнее. Есть ли у меня рецепт преодоления этого раскола в обществе? Честно говоря, однозначного нет, но есть одно соображение.

Юрий Александрович, я думаю, со мной согласится, что сейчас в историческом профессиональном сообществе, если не брать какие-то маргинальные мнения (они всегда есть и пускай будут), некий консенсус по поводу российской истории, скажем, ХХ века уже существует. Он достаточно размыт, он не жёсткий, как в советские годы, но есть некие позиции, по которым большинство согласно. А в обществе такого консенсуса нет.

Может быть, проблема не в том, что история наша сложная, а в том, что надо найти способы широко транслировать в популярной форме представления исторического сообщества, чтобы исключить конспирологические теории, маргинальные теории, крайне радикальные теории и т.д., чтобы хоть немного успокоить состояние умов в обществе.

А. Н. Привалов

Спасибо большое, Александр Владимирович. Феликс Вельевич — прошу Вас.

Ф. В. Разумовский, автор и ведущий программы «Кто мы?», т/к «Культура» Я буду говорить очень конспективно. Хочу начать с наблюдения: как слабо в нашем разговоре звучит национальная тема.

Это поразительно! Мы обсуждаем судьбу страны с тысячелетней историей и при этом постоянно оглядываемся на Великую французскую революцию, на событие, принадлежащее другой эпохе и другой культуре. Этот подход не нов. Любой позитивист

Ф.В. Разумовский

и марксист разделяет подобную точку зрения. Но она приводит к значительным аберрациям. Между тем существует иная точка зрения, и мне она представляется более оправданной (сошлюсь хотя бы на Н.А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма»),— то есть революция предстаёт явлением национальным, это форма глубочайшего национального кризиса, национальная болезнь. Стало быть, революция революции рознь. То, что произошло в России в 1917 году, существенно отличается от событий во Франции конца XVIII века. А потому концепция Великой российской революции кажется мне ложной, ошибочной.

Я полагаю, что в начале XX века в России происходило то, что в русской традиции называется смутой. Страна вошла в полосу смутного времени. Если сопоставить (с учётом, конечно, разницы исторических реалий) то, что происходило в России в начале XVII века и в начале XX, мы увидим в этом гораздо больше сходства. Причём это сходство глубокое, существенное, в отличие от поверхностных аналогий событий 17-го года в России и Великой французской революцией.

Итак, смута,— с чего она началась и когда она началась? Естественно, здесь нет фиксированных дат, они просто невозможны. Это не событие, а явление. Первые

проявления русской смуты описаны в 1902 году в очерке В.Г. Короленко под названием «Грабижка». Давно копившаяся в деревне обида и злоба прорывается наружу, и крестьяне пытаются изгнать помещика, разделить его землю. В 1905 году аналогичные погромы русских усадеб, эти так называемые «фейерверки», когда усадьбы горят тысячами,— становятся явлением массовым.

Смута начала XX века вызвана в первую очередь глубочайшим культурным расколом. Крестьянство и европеизированный верхний слой живут в разных культурных мирах. Между мужиком и барином — пропасть. Модернизация и другие административные меры не решали, и не могли решить эту проблему. Возникает парадоксальная ситуация: Россия демонстрирует громадную хозяйственную энергию и одновременно неотвратимо приближается к пропасти. Идёт навстречу смуте.

Но подвергать сомнению успехи русской модернизации не приходится. Деятельность правительства Витте и Столыпина в сфере экономики и финансов была успешной. На рубеже XIX–XX веков страна богатела, особенно в предвоенное десятилетие. После публикации Б. Н. Миронова и М. А. Давыдова² с их скрупулёзной аналитикой экономики этого периода это невозможно подвергать сомнению. Пятая экономика мира с очень значительной динамикой и т.д. Казалось бы, нет проблем. И революционное возбуждение интеллигенции явно угасло. Ленин, в это предвоенное десятилетие находившийся во Франции, совсем загрустил; катался на велосипеде и никак не мог развеяться. Потому что страна на подъёме, и революционная почва ускользает из-под ног.

В это время Бунин пишет повесть «Деревня» и убедительно показывает, что решить застарелые проблемы русского крестьянства едва ли возможно. Что Русский мир стоит на пороге великих потрясений. Ибо мужик держит камень за пазухой, хитрит и уже никому не верит. Смута может разгореться в любую минуту, экономика тут не при чём. Любое незначительное нарушение привычного порядка, любое испытание вызовет обвал русской жизни. Как известно, таким испытанием стала Первая мировая война...

Это то, что касается смуты, её новой волны. Она разлилась по русской равнине аккурат в 1917 год, после отречения Николая II. И закончится смута, между прочим, не в 1918-м, она закончится в 1929-м, судьбу крестьянства решит новая большевистская власть с помощью раскулачивания и коллективизации. Вот тогда русская смута закончится. Здесь не могу не напомнить, что очерки о Гражданской войне Антон Иванович Деникин назвал «Очерки русской смуты».

Получается, что не Великая Российская Революция, а Великая Русская Смута обернулась катастрофой 1917 года. В это время на крестьянскую смуту наложилось одновременно несколько процессов. Первый — это перевороты, политические перевороты полудворцового характера. Это то, что касается февраля, — верхушечная закулисная

 $^{^2}$ Б. Н. Миронов. Российская империя. От традиции к модерну. В 3-х т. М., 2015; М. А. Давыдов. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте — Столыпина. М., 2016. — Φ .P.

история, жалкая импровизация тогдашней элиты. Авантюры думских деятелей обернулись обвалом, нарастанием смуты сначала в армии и на флоте. Начались убийства офицеров Балтийского флота, адмиралов, расправы с офицерами... В октябре — очередной переворот, на этот раз устроенный партией нового типа. К этому времени крестьянская смута достигает своего апогея, «революционная демократии» беспомощна перед лицом анархии и хаоса в деревне. И только потом, когда у большевиков появится политическая полиция «нового типа», когда новая власть бросит на русскую деревню ЧК, продотряды и армию по борьбе с дезертирством, в стране начнётся реальная революция, слом традиционного уклада невиданного масштаба.

Мне представляется, что на события 1917 года (опять-таки это очень условная дата, потому что то, что произошло в 1917 году, началось не в 1917-м и закончилось тоже не в 1917-м) надо посмотреть как на явление национальное. Это первое.

Второе. Этим экспериментом, утопическим большевистским проектом, был практически полностью сработан национальный ресурс. Все сегодняшние разговоры по поводу созданных революцией социальных лифтов звучат просто ужасно, бесчеловечно. Этим лифтам, на самом деле, грош цена. Но даже если мы заговорим о свершениях, о заводах, танках, самолётах и т.д., мы увидим, что всё это создано за счёт будущих поколений. То есть за счёт России. Именно поэтому мы сегодня практически ничего не можем создать, сделать, и у нас вообще, как говорится, не идут дела. Нам практически не на что опереться, культура и исторический опыт нации были разрушены. Всё лежит в руинах.

Зато появился поистине бесценный опыт, о котором мы сегодня даже не упоминали. Кстати, и в других дискуссиях эта тема также обычно опускается. Я имею в виду подвиг новомучеников, противостояние большевистским гонениям на веру и церковь Христову. Это не просто история, христианская цивилизация всегда создавалась на крови мучеников. Значит, для нас не всё потеряно. И конечно, эта тема совершенно иначе высвечивает всё, что связано со 100-летием русской катастрофы. Все, спасибо.

А. Н. Привалов

Спасибо, Феликс Вельевич. Михаил Иванович — прошу Вас.

М.И. Москвин-Тарханов

Я немножечко, может быть, вернусь к фигуре товарища Сталина Иосифа Виссарионовича, но не к личности исторической, да я и не историк, а к тому, как его образ обсуждается, как он живёт своей таинственной жизнью в медийном пространстве, в сети Интернет. Каждый может сам заглянуть в сетевые ресурсы, посмотреть с помощью поисковых систем: в одном месте Сталин едва ли не пьёт кровь младенцев и не ест их сырыми, в другом— он аскет, почти святой, «эффективный менеджер», патриот, герой, мудрец.

М.И. Москвин-Тарханов

Но началось всё это не со Сталина, началось с князя Рюрика — помните, в XVIII веке дискуссию Ломоносова с Миллером? Был ли Рюрик славянин доблестный, родом или с Дона, или с речки Рось, или же был ли он варягом, и приплыл с Рослагена, из Бирки или Оденсе — это была тогда острейшая проблема, академики чуть ли не рвали друг друга на куски. Какое кому дело было до этого князя Рюрика, да и вообще-то, личность он, скорее, легендарная.

Основа конфликта того времени была в другом — в экстраполяции летописной ситуации так называемого «призвания варягов» на общественные отношения нового времени. Аргументы из прошлого использовались в борьбе определённых сил, как иностранных по происхождению или ориентированных на Запад, так и их отечественных оппонентов, которые считали, что Россия может, отойдя от шока петровских реформ, существовать зрело и самостоятельно на национальной основе, уже крепко стоять на своих ногах. Далее, уже в николаевское время и позже сходным образом противостояли друг другу славянофилы и западники, и снова князь Рюрик был тут как тут со своим неведомым происхождением.

Не буду в нашей аудитории об этом рассказывать, все в курсе событий того времени, но тогда была похожая логика противостояния. Тогда и император Пётр Великий, который в XVIII веке во мнении образованного общества был воистину вторым

основателем государства, «нашим всем», вдруг в середине XIX века стал предметом полемики: был ли он прав в своих целях и методах, «подняв Россию на дыбы», или же он изуродовал нормальный ход истории, и Россия самобытно лучшим образом бы развивалась. Хорошо, что Петра Великого оставили в покое вскоре после революции.

Зато в мифологии сейчас активно живут два исторических образа, пугающие интеллигенцию, они появились на пару довольно давно и также парой бродят в медийном пространстве и в воспалённых умах: Иосиф Виссарионович Сталин и Иван Васильевич Грозный, последний как тень или как «альтер эго» товарища Сталина. Так, когда где-то ставят памятник Ивану Васильевичу, это означает, что подбираются к увековечиванию или прославлению Иосифа Виссарионовича, с его незабываемыми методами и приёмами. Почти каждый из нас это понимает прекрасно.

И вопрос за этим стоит опять всё тот же: можем ли мы развиваться своими силами или должны, так сказать, разумение и силы брать на Западе? Какой ценой? Каково мерило успеха или неудачи? Это старый внутрироссийский спор как бы между смотрящими в разные стороны головами нашего гербового орла. Головы, восточная и западная, часто пребывают в несогласии, иногда даже наступает расщепление национального сознания, если так можно выразиться, «политическая шизофрения». С этим надо что-то делать.

С князем Рюриком, правда, три года назад стало намного лучше. Князь Рюрикславянин достался Киеву, теперь историки там точно знают, что он вырос на Киевской земле прямо из древнего укра. А у нас в России князь Рюрик вроде бы окончательно стал варягом, и даже правнук его Владимир в дорогом фильме «Викинг» совсем варяг, и в дядьках даже у него не былинный Добрыня, а летописный Свенельд, теперь князь наш Красно Солнышко у нас до мозга костей скандинав из Северной Руси. А как князя Рюрика мы с украинцами разделили на двух князей Рюриков,— князь Рюрик украинский и князь Рюрик российский,— стало легче. Но, может, ещё не до конца разделили, он, может, ещё каким-нибудь компромиссным славяно-балтским ободритом [средневековый союз славянских племён] стать, таким с соколом на руке и с Мединским рядом в ладье. Тут не угадаешь, история — дело непредсказуемое.

Да, наша проблема в том, что мы историческими примерами иллюстрируем и наши будущие надежды и чаяния, и «злобу дня» нашего сегодняшнего. И это не очень приятно, потому что это вредит истории и как науке, и как важной части наших просвещения, образования и культуры. Мы втягиваем в серьёзные материи публицистику, журналистику, всякое невежество, в результате искажается понимание процессов и происходит компиляция удобных для иллюстрации частных мнений фактов. Настоящему историку страшно в такого рода дискуссии даже сунуться: его там просто скушают. А с другой стороны, мы вредим политике и общественному сознанию в современном мире уже тем, что рассматриваем современность через искажающую призму полумифического прошлого, смотрим туда, где всё покрыто мглой. Нельзя идти в будущее спиной вперёд.

Вот то, что бы я хотел сказать: мы должны лицом вперёд двигаться, больше думать о будущем, проектировать будущее и меньше ссорится, споря о прошлом. Да, история,

да, была она такой, ну и что? Сто лет тому назад один мой дедушка уплывал на пароходе в Чёрном море из Новороссийска в Константинополь, другой же в это время штурмовал Спасск в Красной армии. Потом один дедушка стал народным артистом СССР, носил орден Ленина, а другой сидел при Ежове на Лубянке (тот самый, который брал Спасск, между прочим), и ему ломали молотком пальцы на ногах (я помню, у дедушки ноги покалечены были). И не я один такой смешанный, неоднородный, много времени прошло, общество изменилось, всё перемешалось, и это на самом деле серьёзно.

Надо уходить от псевдоисторических иллюстраций «на злобу дня» ещё и для того, чтобы сохранять мирное состояние общества, искать новые формы общественной самодеятельности. Или по крайней мере не использовать для этого отечественную историю. Давайте, уважаемые коллеги, для начала, уж если мы без этого никак, то иллюстрировать наше настоящее историческими мифами и образами других государств.

Вот, скажем, сегун Токугава Иэзясу — может, его куда-нибудь приделаем, заменим им Сталина или Ивана Грозного. Или возьмём для утилитарных целей, скажем, египетского фараона Хоремхеба — как он твёрдой рукой исправлял идеологические ошибки предшественников. Но лучше и от этого воздержаться, ведь если мы историю конъюнктурным мифотворчеством загаживаем, то и унижаем себя, и вредим себе. Есть старинный образ: «мертвецы хватают живых за ноги», мешают идти.

А. Н. Привалов

Спасибо, Михаил Иванович. Ну, насчёт того, что невозможно идти к будущему, закопавшись в прошлое, есть прямо противоположная точка зрения, она примерно раз пятнадцать повторена рефреном в известной поэме Твардовского: «Пушки к бою едут задом,— // Это сказано давно». Андрей Николаевич Клепач — прошу Вас.

А. Н. Клепач, заместитель председателя — главный экономист Внешэкономбанка, министр экономики РФ в 2008–2014 гг.

Честно говоря, не думал выступать, но несколько моментов хотелось бы прокомментировать. Первое — мне кажется, что всё-таки имеет серьёзное основание позиция, если я правильно помню, советского и российского историка-аграрника Данилова Виктора Петровича (1925–2004) — что революция, во многом как крестьянская революция, началась раньше. На самом деле, ненависть необразованного и частью уже образованного сословия к элите была огромной. Она проявлялась в разных формах — в крестьянских бунтах, как та же пугачёвщина. И прорвалась в 1905 и в 1917 годах, и дальше — в Гражданской войне, Тамбовском восстании³. Собственно говоря, и сейчас есть эта неприязнь и отчасти ненависть, хотя все вроде как образованные.

³ Тамбовское восстание — вооружённое выступление крестьян Тамбовской и частично Воронежской губерний в 1920–1921 гг. против политики «военного коммунизма», прежде всего против продразвёрстки; одно из самых крупных во время Гражданской войны в России народных восстаний против власти Советов.

А. Н. Клепач

Я считаю, что революция действительно началась раньше. Но при этом я с Владимиром Владимировичем Бортко полностью согласен, что качественная роль Октябрьской революции абсолютно другая. И дело не в том, за сколько дней в феврале в Питере, а потом в Москве власть была потеряна. В Москве всё продлилось намного дольше, не за три дня, и крови много пролилось, а потом — Гражданская война. В 1991 году тоже всё произошло быстро, но завершилось, скорее, в 1993 году октябрьским переворотом и расстрелом Верховного Совета. После этого в полной мере можно было говорить, что власть поменялась. То, что происходит за один день, все видят, и обычно это связано с первым лицом или с первыми лицами. А глубинный системный переворот занимает больше времени.

Здесь, на мой взгляд, ключевой вопрос— какие ценности и какие принципы реализовывались. Что нового, условно говоря, в отходе от самодержавия или в создании «правительства доверия», которого хотела и Госдума, и Алексеев⁴, и командующие

⁴ Алексеев Михаил Юрьевич (1897—1918) — русский военачальник; участник русско-турецкой и русско-японской войн, главнокомандующий армиями в Первой мировой войне, генерал-адъютант; во время Февральской революции выступил за отречение Николая II от престола и способствовал принятию императором этого решения.

фронтами? Это не новая революция. Во всяком случае, по сравнению с Французской и тем, что потом произошло во всех проигравших европейских странах. Ничего исторически нового здесь не было. А Октябрьская революция, как бы к ней не относились,— это принципиально новое явление. Она неизбежно связана с оценкой вообще всей эпохи социализма и советского строя. Но эта оценка связана не только с вопросом модернизации.

Советский Союз действительно имел огромное влияние именно тем, что показал достаточно успешный пример модернизации и развития, хотя Россия развивалась достаточно эффективно и в конце XIX — начале XX в. Мы стали примером, скажем, для Индии, для китайцев, для других именно тем, что сделали огромный прорыв за 1930-е, 1950-е и дальше годы. Опыт индустриализации и коллективизации с миллионами погибших, конечно, трагический, но это пример создания современной индустриальной экономики, который мало кто смог повторить. В какой-то мере нереволюционные аналоги — та же Корея, Япония, но уже намного позже и в рамках открытой мировой экономики, с достаточно большой внешней помощью.

Ключевой вопрос здесь, я думаю, всё-таки не вопрос модернизации, как бы она не была важна, а вопрос элиты и народа, раскола общества, или вопрос справедливости, а не только экономической эффективности. На этот вопрос, к сожалению, мы не дали ответа до сих пор. И Бердяев, и другие писали, что в случае краха социализма в России вполне вероятно произойдёт возрождение именно варварского и хищнического капитализма,— что мы во многом получили в 1990-е годы. Эта модель капитализма не решает задачи модернизации, да и с вопросом национального суверенитета есть много ограничений. Может, когда-нибудь капитализм российского образца их и решит, но пока точно — нет. И уж с вопросами неравенства и всего остального — тоже нет. Мы не создали элиту, которая в той же царской, да и советской России была, которая способна решать задачи развития и социальной справедливости.

Как мы сейчас решаем задачи развития, при таких масштабах неравенства? Адаптация экономики к нефтяному шоку 2014 года и санкциям во многом произошла за счёт резкого снижения жизненного уровня именно большинства населения, а не олигархов и бизнеса, приближенного к власти. Потери понесли почти все, но не в равной степени.

Возникает вопрос, чем элита оправдывает такое неравенство, что она делает для страны? Мы дальше будем строить развитие на замораживании относительно невысокого уровня жизни большинства населения, как это следует из планов бюджетной политики и официальных макроэкономических прогнозов? Или всё же развитие может строиться на увеличении инвестиций в человека и рост благосостояния большинства населения при уменьшении уровня неравенства?

На мой взгляд, ситуация здесь — не только в 1990-х, но и сейчас, во втором десятилетии 2000-х годов — тревожная. И эти риски не надо недооценивать, несмотря на высокие рейтинги. Если бы при царизме проводили опросы, то, скорее всего,

рейтинги были бы высокие и в 1916 году, тем более в 1916 году и фронт стабилизировался, и брусиловский прорыв был, и снаряды были. Только достаточно было малейших волнений и верхушечного переворота в столице и Ставке, чтобы фактически всё пошло в разнос.

Сейчас самое главное даже в не резком ухудшении жизненного уровня. Самое главное — не только декларировать, но иметь способность решать насущные задачи. Задекларировано у нас всё самое светлое, что только можно придумать. И даже территорией приросли, может, и ещё прирастём. Только кому от этого станет лучше?

Вопрос покаяния — да, он личный. Я благодарен Александру Николаевичу Привалову, когда он привёл слова Ренана о нации: если мы единая нация, у нас должно быть что-то общее. Ну, кроме того, что мы любим свою Родину и помним своих родителей, слава Богу. Но дальше — а чем мы гордимся, что мы помним, что нас объединяет как нацию? Сейчас больше, что разделяет, кроме памяти о Великой Отечественной войне. Слава Богу, всё-таки большинство населения знает, кто победил, хотя и то уже не все, если взять часть молодёжи.

Единство нации необходимо. Покаяние здесь имеет другой смысл, чем в христианстве, но тем не менее связано и с духовными ценностями, и с историческими. Консенсуса, как бы далеки мы от него сейчас не были, нам надо ещё достичь. И этот консенсус должен включать не только ценности величия и мощи, но и справедливости и свободы.

А. Н. Привалов

Спасибо большое, Андрей Николаевич. Очень хорошо, что Вы сказали слово, которого сегодня в общем не хватало, конечно,— слово «справедливость». Другое дело, что под лозунгами справедливости иногда вершатся ужасные дела. Но что этот лозунг был одним из ключевых факторов — безусловно, тут спорить не о чем.

В. М. Полтерович

Можно 10 секунд? Я хотел обратить внимание на то, что, вообще говоря, под модернизацией не следует понимать одни только технологические достижения. Это и рост социального капитала, рост человеческого капитала, это и адекватность институтов технологическому развитию. Вот это очень важная вещь, мне кажется.

А. Н. Привалов

Спасибо.

Д.Б. Зимин

Можно ещё один вопрос? Один короткий вопрос. По-моему, здесь говорилось, что покаяние должно носить сугубо частный характер: каяться за то, что совершил. А гордиться, гордиться тоже можно только лишь за то, что ты совершил?

А. Н. Привалов

Гордиться можно чем угодно.

Д.Б. Зимин

(Со смехом) Спасибо.

А. Н. Привалов

Виктор Петрович Мазурик — прошу Вас.

В.П. Мазурик, доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ им. Ломоносова) Страшновато филологу-востоковеду встревать в такую, как сказали бы студенты, «халиварную» (от holy war) беседу профессиональных историков, но несколько замечаний всё же сделать хочется.

По рейтингу Ренана (относительно того, что нацию больше сплачивают общие несчастья, чем успехи), мы должны были бы предстать перед мировым сообществом как самая сплочённая нация на свете, ибо уж чем-чем, а страданиями нас Бог в истории не обидел: мы почти непрерывно вели жестокую оборонительную войну на выживание. «Можно забыть, где и когда пузы растил и зобы, но землю, с которой вдвоём голодал,— нельзя никогда забыть»! (В. Маяковский. «Хорошо»). Как говорит мой бывший одноклассник, Россия— это не проект во имя прогресса и не пространство для уютного обустройства, но стезя подвига, полигон Божий, чтобы жизнь малиною не показалась и люди бы о Царствии Небесном не позабыли. «Претерпевший же до конца спасётся» (Матф. 24:13). Аминь. Так что, взвешивая на разных весах наши потери и приобретения, мы всё же некоторое упование на будущее имеем.

Но когда же, наконец, конец? И отчего гражданская война в наших мозгах всё никак не кончается? Требуется покаяние? Но истинная метанойя (μετάνοια, букв. переосмысление) — дело таинственно-личностное, и я согласен с уже звучавшей мыслью о том, что никого, кроме самого себя, к этому призвать невозможно. Однако без этого нет никаких предпосылок для будущего соборного единства, то есть единства через разнообразие, одним из фундаментальных символов которого служит образ Святой Троицы.

Не будем забывать, что светская культура в нашей стране по крайней мере на несколько столетий моложе той, что складывалась с эпохи Ренессанса в Западной Европе. Не отсюда ли наши завышенные моральные требования тотальной справедливости, нежелание простить даже одну слезу невинного ребёнка, не этим ли объясняется всегдашняя готовность наших солдат «положить живот за други своя» и некоторые другие «загадки русской души»?

Я согласен с определением Феликса Вельевича [Разумовского] о начале XX века как времени смуты и отчасти — со словами А.И. Солженицына: «Без [раскола] XVII века не было бы и [революции] 17-го года». Если говорить об исторических масштабах, то,

В.П. Мазурик

сдаётся, судьбоносных дат в наших анналах хоть отбавляй. Чем, например, не роковой год 1666-й, когда многие ждали Армагеддона (после тысячелетнего заточения Диавола в аду и исполнения «числа зверя») и когда на Большом Московском соборе была официально объявлена охота на старообрядческих «ведьм»? Это не социальный или экономический конфликт, но начало глубинно внутреннего, мировоззренческого противостояния.

Пётр I, решивший, как ему казалось, эту проблему сурово административными методами, круто развернул государственный корабль на Запад и в некотором смысле был более фундаментальным революционером, чем большевики, которые лишь чуть дальше продвинулись по пути просвещенческого позитивизма. Именно «птенцы гнезда Петрова», помимо выдающейся культуры и сильного государства, породили феномен гоголевской Птицы-Тройки (народ, интеллигенция и правительство), главные функции которой — ржать, скакать и никому не давать ответа о пункте назначения.

Японцам, как известно, Петра заменили американцы, на полтора столетия позже нашего монарха вынудившие соседей провести ещё более стремительную вестернизацию, также сильно продвинувшую страну по пути прогресса, что породило

до определённой степени схожие проблемы: раскол на обновленцев и традиционалистов, классовые битвы и геополитические проекты, приведшие к разгрому 1945 года. Японские историки нашей революции 1917 года рукоплескали, а распаду СССР 1991-го, точнее его последствиям, ужаснулись. На мой вопрос о том, в каком периоде национальной истории он хотел бы жить, мой большой друг (ныне покойный) Айда Сигэо, специалист по эпохе Ивана IV, ответил не задумываясь: при Токугаве Иэясу. Когда я попытался напомнить ему, что это время не выдерживает никакой критики с позиций гуманизма, он резко оборвал меня, заявив: «Зато это была великая страна с глубочайшей самобытной культурой, а не то жалкое топтание на распутье и утрата национального Пути, что мы видим сегодня».

Я в этот момент попытался представить себя хотя бы на секунду во времени Ивана Грозного и не смог. Ну что ж, как говорит у Достоевского капитан Лебядкин: «Россия есть игра природы, а не ума». Звучит не очень утешительно, но, может быть, в этом наше спасение?

А. Н. Привалов

Очень сильный философ [Лебядкин], конечно, да. Прошу Вас — Сергей Викторович Егерев.

С.В. Егерев, главный научный сотрудник ИНИОН РАН

Хочу высказать, возможно, дилетантское, хотя и выстраданное соображение. Его начало восходит к далёкому 1969 году, когда я изводил свою школьную учительницу истории одним и тем же вопросом. Почему убийство четырнадцатилетнего царевича Алексея продиктовано исторической необходимостью (соответственно, и жалеть ребёнка нечего), а вот убийство такого же четырнадцатилетнего мальчика Павлика Морозова, наоборот, было вопиющим злодейством? Вопрос тогда был у многих на устах, например, потому, что была ещё жива мать Павлика и часто выступала по радио.

Поиски ответа привели меня к мысли, которая имеет прямое отношение к теме нашего заседания. А именно, что у нас очень маленькое пространство для манёвра при обсуждении роли исторических персонажей и событий. Мы хотим прийти к консенсусу по XX веку, а у нас ещё XIX, XVIII и т.д. века не отработаны.

А. Н. Привалов

Мы ещё не все согласны про грехопадение Адама.

С.В. Егерев

Вот именно. Что такое узкое пространство для манёвра? Я это так представляю. Несёт нас вперёд река времени. И когда мы оглядываемся назад, мы видим, что движемся по узкому фарватеру, ограниченному бакенами в виде забронзовевших персонажей, в отношении которых мнение сформировано раз и навсегда. Соответственно, и обсуждать нечего.

С.В. Егерев

Как и многие наши граждане, я люблю смотреть байопики — это фильмы о реальных исторических персонажах. Раньше это были зарубежные фильмы, в частности, американские. Сейчас смотрю российские байопики. На что невольно обращаешь внимание? Американские байопики, как правило, показывают исторического деятеля противоречивым человеком с достоинствами и недостатками (например, фильмы о директоре ФБР Джоне Гувере или о миллионере Говарде Хьюзе). Зрителям есть что обсудить.

С российскими байопиками — не так. Персонаж рисуют в одну краску. За редчайшим исключением наш байопик — награда нашему человеку за безупречно прожитую жизнь. Касается ли это манекенщицы Регины Збарской, экстрасенса Вольфа Мессинга или уже далёких от нас самодержцев — Екатерины II и Софии Палеолог. Про плохого человека байопик не снимут.

А можно ли заранее узнать, как оценивается тот или иной исторический персонаж? С каким знаком мы его вспоминаем? Остаётся предположить, что где-то в Минкультуры в сейфе лежит таблица, в которой наши исторические деятели уже поделены на хороших и плохих. Например, основываясь не только на фильмах, но и на современных статьях, книжках и выступлениях, можно вывести, что Николай II, Сталин, почти все

самодержцы — хорошие. А вот руководители, допускавшие коллективность управления, — Ленин, Троцкий, Василий Шуйский, — скорее всего, отмечены в таблице как плохие. В «хорошей» половине таблицы можно найти людей, которые приходились друг другу лютыми врагами. Это, например, Чапаев и Колчак. Мы их полюбили, скорее всего, за их брутальность, а не за реальные деяния. Напротив, деликатного Петра III принято показывать жалким, не заслуживающим сочувствия.

А отсюда легко перейти и к перспективам обсуждавшегося сегодня возможного взаимного покаяния «красных» и «белых». Перефразируя классика, можно сказать, что российское общество сегодня беременно желанием, чтобы все вокруг каялись, только вот не ты сам. Но опыта и практики покаяния у нас нет. Даже если человек пытается покаяться, он вдруг вместо «извините» говорит «выражаю сожаление». И это в лучшем случае. Да и вообще, крепкий брутальный мачо не кается ни при каких обстоятельствах. Не наше это занятие.

А. Н. Привалов

Ну, я очень доволен, что такой надежды нет. Мне было бы жутко жить в стране, которая повально кается. Леонид Иосифович — прошу Вас.

Л.И. Блехер, социолог, публицист

Я хотел бы немного повернуть наш разговор к вопросам, поставленным председателем нашего собрания,— к проблемам договороспособности в нашем обществе, возможности достигать консенсуса или хотя бы компромисса между разномыслящими людьми.

Пространство общественного разговора в наше время имеет некоторые особенности, которых, пожалуй, не было никогда раньше, ни в советское, ни даже в предыдущее время. И здесь я бы выделили несколько главных факторов, которые перечислю не в порядке значимости.

Во-первых — то, что происходит с нашим главным культурообразующим фактором в нашем обществе. Это если и не полная отмена, то хотя бы некоторое умаление значимости нашего великого пространства, которое всегда разделяло людей и делало диалог между ними затруднительным. Появились целые группы (причём и их общее количество, и количество людей в этих группа всё увеличивается), для которых их физическое местонахождение становится не таким уж важным. Человек может жить в одном месте, работать в другом, общаться в третьем, и всё это происходит одновременно. Из этого следует, что человеку становится не настолько важно, кто именно живёт рядом с ним, как к нему относятся его соседи, что они думают, насколько они являются его единомышленниками, обязательно ли с ними договариваться и пр.

Во-вторых, всё меньшую роль в жизни большинства людей играет власть, понимаемая как способ управления ситуацией. Человеку всё меньше приказывают, и ему всё

Л.И. Блехер

больше и больше приходится договариваться с другими людьми. Пространство частной, не-властной жизни становится шире, и это постепенно меняет его представление о себе и о других.

В-третьих, в пространстве общественного разговора всё больше и больше появляется людей, у которых практически полностью отсутствует социальный опыт жизни при советской власти. Учитывая, что социальный возраст человека отсчитывается не с его рождения, а с 12–13 лет, получается, что ситуация в последние десять лет изменилась нечувствительно, но необратимо: на работе, в общении, вообще в жизни мы имеем дело с теми, чей социальный опыт — только несоветский. А прежнюю жизнь они могут лишь воображать, причём как угодно.

И, наконец, следует иметь в виду всё увеличивающийся опыт того, что можно было бы назвать «социальной агрономией и мелиорацией», то есть накопление постепенности, складывающихся механизмов передачи опыта, осознание того, что ничего не может происходить мгновенно и революционным образом. Инерция и устойчивость происходящего заставляют нас вглядываться в других, пытаться их понять и договориться с ними. Поэтому, я полагаю, есть все основания смотреть на наше общее будущее с осторожным оптимизмом.

А. Н. Привалов

Спасибо, Леонид Иосифович. Леонид Иосифович начал своё выступление так, что я бы сказал: вот наконец оптимист! Но он закончил своё выступление так, что, нет, оптимист в наших рядах не появился.

Александр Григорьевич Механик- прошу Вас.

А.Г. Механик, обозреватель журнала «Эксперт»

Во-первых, покаяние — тема, которая обсуждается больше, чем собственно тема революции. Ведь откуда пришла эта идея и где она впервые стала практикой всей нации? В Германии после войны. Но мы же должны понимать разницу: Германия после войны — это Германия, осознавшая, что она наделала в данный момент, не 100 лет назад, а в данный момент. И все люди, которые там жили, в той или иной мере осознали, что они к этому причастны, особенно когда им это объяснили победители. Понятно, что у нас ситуация совершенно другая. Потому что через сто лет разбираться, кто что делал, уже бессмысленно.

Теперь относительно консенсуса в отношении истории. Здесь говорилось о Франции, о том, что там уже возник консенсус. Для меня было удивлением прочесть книгу Жискара д'Эстена «Французы», в которой он описывает своё отношение к истории Франции и сравнивает его с отношением к истории Франции социалистов. Он сказал там одну замечательную фразу — что мы, консерваторы и либералы, либерал-консерваторы, считаем Францию Францией, можно сказать, вечной, а социалисты отмеривают французскую историю от Французской революции, и найти согласие в этом мы не можем. И рассказывает о своём разговоре с Миттераном. После победы Миттерана они встретились и стали объясняться относительно того, как они представляют себе Францию. Жискар д'Эстен пишет, что он понял, что они ни в чём не сходятся, то есть у них абсолютно разный взгляд на историю Франции.

Это отличается от нашей ситуации тем, что они могли сидеть, спокойно разговаривать и признавать: да, у нас разные взгляды. Спокойствие, которого в России действительно не ощущается. Особенно если говорить не о профессиональных историках, а о пользователях Фейсбука. Причём для меня удивительно то, что больше всего это со стороны условно белых. То ли, может, «красных» мало в Фейсбуке.

Но это одна сторона. Другая состоит в том, что во Франции все участники политической жизни признали Французскую революцию общим достоянием— и правые, и левые, при всей разнице отношения в целом к истории Франции во время войны. Почему? Потому что нацисты, которые победили Францию, выступали против революции принципиально, как враги тех идеалов, которые проповедовала Французская революция. И часть крайне правых консервативных французов перешла, как известно, на их сторону именно поэтому. Другая часть таких правых консерваторов, которая сопротивлялась, вынуждена была сказать: революция и наше достояние, потому что пришли какие-то гады и пытаются нам навязать свою точку зрения. То есть перелом

А.Г. Механик

произошёл под воздействием крупных переживаний, национальных потрясений, когда люди поняли для себя, что у них есть нечто большее—сама Франция, чем спор вокруг того, что такое Французская революция. Это, мне кажется, то, чего у нас не предвидится. Может, и слава Богу, но тем не менее.

Теперь относительно характера нашей революции. Мне запомнились два факта (здесь говорилось о её крестьянском характере), которые меня очень сильно в своё время задели. Первое — я читал о выступлении депутата Государственной думы от крестьянской фракции. Эта правая фракция была монархическая. И он, выступая в Государственной думе и обращаясь к фракции, не помню, как она называлась, где состояли помещики в основном, сказал: «Мы помним всё…». То есть человек, который вроде бы входил во фракцию, поддерживающую монархию, угрожал основной опоре монархии. И конечно, это должно было закончиться тем, чем закончилось. Эта ненависть разделяла даже приверженцев монархии.

И второй момент, который в известном смысле объясняет, может быть, многое в революции. Известно, что продразвёрстку впервые ввели немцы, потом — царское правительство. Когда немцы ввели продразвёрстку, немецкий крестьянин покряхтел

и повёз, что ему положено, сдавать государству, плюс навалился на своё хозяйство, чтобы произвести больше и оставить себе что-то больше. Как отреагировал русский крестьянин? Он тут же сократил производство: почему я должен работать на дядю? И это в известном смысле говорит об его отношении к государству. Крестьянин относился к государству как к чему-то внешнему, поэтому в 1917 году ему было очень легко расстаться с этим государством: оно было не его, оно было чужое. А если говорить о советской власти, об этом отношении, то советская власть была чудовищной, по сравнению с ней царский режим — просто верх либерализма. Но тот же крестьянин во время Отечественной войны воевал и не сдавался, потому что он осознавал эту власть своей: она ужасная, она чудовищная, но она своя, а та была чужая.

И последнее — смешной эпизод о влиянии нашей революции на внешний мир. Дмитрий Анатольевич Медведев, когда был президентом, ездил в Китай, и ему устроили встречу с ветеранами Китайской революции. Это было у нас в газетах напечатано. И одна участница этой встречи, выступая, сказала, что Китай будет всю жизнь благодарен русскому народу, который принёс в Китай великие идеи Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. И Дмитрий Анатольевич не нашёлся, что ей ответить.

А. Н. Привалов

Спасибо, Александр Григорьевич. Я только хотел Вам сказать, что вот то замечательное просветление умов у наших французских коллег, которые Вы описывали, оно происходило же и у нас. Ведь, как вы знаете, наверное, довольно значительная часть белой эмиграции в годы Второй мировой войны вполне публично выражала солидарность с борьбой Советского Союза. Так что то же самое было и у нас, только почему-то не помогло.

Теперь позвольте предоставить слово для завершающих высказываний нашим уважаемым докладчикам. Юрий Александрович — прошу Вас.

М.С. Капица, доцент психологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

А можно мне маленький вопрос задать, раз уж мы с Юрием Александровичем здесь встретились? У меня вопрос про вынос тела Ленина с Красной площади. Насколько серьёзно это событие могло бы повлиять или не повлиять на общественное состояние, мнение, спокойствие? И вообще, насколько серьёзно надо к нему относиться, нужно ли о нём спорить и обсуждать?

Ю. А. Петров

Я выражу свою личную позицию, она вполне однозначна: не надо этим заниматься. Не надо. Не надо провоцировать страну на новый социальный раскол и т.д.

М.С. Капица

Понятно. Спасибо.

Ю. А. Петров

А что касается заключительного слова — коллеги, все устали, что тут много говорить! Мне было очень приятно, что тема вызвала бурное, я считаю, обсуждение. Мы услышали сегодня и анализ, и эссе, и проповедь — реакция в самых разных жанрах. Замечательно!

Я не буду говорить о перспективах покаяния или о его формах. Мне кажется, что эта идея всё равно перед нами, не перед нами, так перед нашими потомками встанет. Примиряться нужно. Как и в какой форме — каждый должен для себя решить. Единственно скажу, здесь упоминали, что идея о Великой революции вроде замечательная, но её не примут. Но здесь её тоже не все приняли, я это вижу и спокойно к этому отношусь. Это уже не только идея, это положение заложено в историко-культурном стандарте учебника по истории для средней школы. Это положение теперь будет в каждом школьном учебнике. И не мы, так наши дети и внуки будут изучать.

Из зала

Вы на это рассчитываете?

Ю. А. Петров

Я не рассчитываю, я это знаю: учебники уже поступают в школы. И новые поколения, я думаю, будут спокойно относиться к этой концепции, повторяю, не противопоставляя Февраль и Октябрь, не говоря уж о Гражданской войне — вот, от чего нам надо избавиться, мне кажется, это главное. Если мы это не сможем сделать, надеюсь, что смогут наши потомки.

А. Н. Привалов

Спасибо. Прошу, Семён Аркадьевич.

С. А. Экштут

Коллеги, мы почему-то отождествляли две вещи — вещи абсолютно разные, с моей точки зрения: примирение и покаяние. Это раз. Дальше я хочу сказать, что русская литература примерно за сто лет до Великого Октября устами Михаила Лермонтова пророчила: «Настанет год, России чёрный год, / Когда царей корона упадёт;», и далее по тексту.

Можно составить целую антологию стихотворных и прозаических предсказаний, когда представители, лучшие представители русского образованного общества вещали о неизбежности революции, в общем-то, подготавливая умы к этому. Это два. Я сейчас не даю этому нравственной оценки.

И, наконец, последнее. Тема нашего заседания звучит так: «Двадцатый век: расколотая память». Как человек, который пятнадцать лет занимался социологией, могу сказать, что ближайшие лет пятнадцать память будут оставаться расколотой. Не то чтобы мне это нравится, но таков мой прогноз, под коим я подпишусь. Все, спасибо.

А. Н. Привалов

Спасибо большое. Ну, если только пятнадцать, ничего страшного.

Если позволите, буквально две фразы в конце, и скажу я их вот о чём. Юрий Александрович справедливо сказал, что я в кратком вступительном слове несколько преувеличил успехи французов по части примирения,— конечно, никакого там консенсуса пока нет, но к нему произошёл значительный сдвиг после 1980-х годов, нарастающий сейчас. Я недавно читал замечательную статью, которая это анализирует с совершенно нетривиальной позиции,— вот о чём мы только что слышали,— с байопиков.

По мнению автора этой статьи, а он специалист, сегодня во Франции никому в голову не придёт снять благожелательный фильм о Дантоне, о Марате, я уж не говорю о Робеспьере — это невозможно, это не впишется в восприятие. Зато нарастающим потоком появляются фильмы вполне благожелательные и к последнему Бурбону, который был, в общем, далеко не самый плохой король на свете, и к Марии-Антуанетте, и к Вандее. То есть попытка сгладить и примирить, выйти на какую-то среднюю линию через искусство, через культуру. А что культура у нас сегодня, вежливо говоря, не находится в процветающем состоянии, так скажите мне, что у нас находится в процветающем состоянии? Но если будут сдвиги вот к тому примирению, которого, как я понимаю, всё-таки большинство из нас хочет, то они появятся и пойдут в культуре. Будем за это болеть.

Спасибо!

Никитский клуб Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте»

Выпуск 86 **Двадцатый век: расколотая память**

Редактор выпуска Н. М. Румянцева